

История одиночества

Автор:

Джон Бойн

История одиночества

Джон Бойн

Новый роман Джона Бойна, автора знаменитого «Мальчика в полосатой пижаме», – история ирландского священника, оказавшегося свидетелем и отчасти действующим лицом драмы, развернувшейся в начале XXI века в католической церкви. Это роман о человеке, который чувствует свою ответственность и за себя, и за грехи тех, кто рядом, он готов нести тяжкий груз чужих проступков и прегрешений.

Юный Одран поступил в семинарию в 1970-е, когда священники в Ирландии пользовались непререкаемым авторитетом и были самыми уважаемыми людьми. Одран, полный надежд и амбиций, искренне рассчитывал прожить свою жизнь «во благо». Сорок лет спустя отец Одран, все такой же искренний в своей вере, сомневается во всем остальном. И причиной тому – неприглядные истории, в которых оказались замешаны ирландские святые отцы. Священник в Ирландии уже не человек, которого уважают и которому доверяют, а объект насмешек, презрения и поругания. Наблюдая за трагедией своей веры и своей церкви, Одран пытается разобраться в себе, в истоках случившегося, в собственной семейной драме. Эмоциональный роман Джона Бойна, основанный на реальных фактах, разворачивает сложную картину вины одних и ее искупления другими. Эта книга о том, что если хотя бы у одного человека болит душа и саднит совесть, значит, всегда есть путь к надежде.

Джон Бойн

История одиночества

Жизнь легко описать, но нелегко прожить.

Э. М. Форстер

A HISTORY OF LONELINESS by JOHN BOYNE

Copyright © 2014 by John Boyne

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с согласия автора и при любезном содействии литературного агентства Andrew Nurnberg

Издатель выражает признательность за финансовую поддержку Ireland Literature Exchange (Фонд перевода), Дублин, Ирландия.

www.irelandliterature.com

info@irelandliterature.com

© Александр Сафронов, перевод, 2017

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

Глава 1

2001

До середины жизни я не стыдился, что я ирландец.

Пожалуй, стоит начать с того вечера, когда я пришел к сестре на званый ужин, а она забыла о своем приглашении; наверное, тогда-то и проявились первые признаки ее безумия.

В тот день состоялась инаугурация Джорджа У. Буша на первый срок американского президентства, и когда я появился в доме сестры на Грейндж-роуд в Ратфарнеме, то застал Ханну прилипшей к телевизору – передавали отчет о церемонии, в полдень прошедшей в Вашингтоне.

К своему стыду, я почти год не бывал у сестры. После суматошных визитов из-за смерти Кристиана я вернулся к прежнему стилю нашего общения: редкие разговоры по телефону и еще более редкие трапезы в кафе «У Бьюли», напоминавшем нам о далеком-далеком детстве, в котором мама баловала нас угощением и водила смотреть рождественскую витрину универмага Швицера[1 - Самый большой и дорогой универмаг в Дублине, славится своими рождественскими витринами, где механические игрушки, от мышей до Санта-Клауса, разыгрывали целые представления. У витрин универмага в рождественскую неделю в прежние времена было не протолкнуться от детей. Сейчас универмаг не существует. – Здесь и далее примеч. ред.]. В магазине Клери нас обряжали к первому причастию, а потом в кафе мы объедались сосисками с фасолью и жареной картошкой, и нам позволялось заказать по огромному пирожному с кремом и запить его апельсиновой фантой. От Дандрамской церкви автобусом 48А мы, вцепившись в поручень передних сидений, через Милтаун, Рейнлаф и горбатый мост Чарлмонт ехали в самый центр, к старому кинотеатру «Метрополь» за станцией «Тара-стрит», куда однажды нас повели на «Мятеж на Баунти» с Марлоном Брандо и Тревором Ховардом, но тотчас вытолкнули из зала, едва гологрудые таитянки, стыдливо прикрытые лишь цветочными гирляндами, в каяках поплыли к изголодавшимся матросам. Тем же вечером мама написала в «Ивнинг пресс», требуя запретить этот фильм. У нас католическая страна или нет? – вопрошала она.

За тридцать пять лет кафе «У Бьюли» почти не изменилось. Я, знаете ли, склонен к ностальгии, иногда она просто изводит. Я переносусь в уютное детство, едва увижу сиденья с подголовниками, готовые принять всевозможных дублинцев. Вот седые, гладковыбритые пенсионеры, благоухающие «Олд Спайсом» и облаченные в уже ненужные костюмы и галстуки, читают деловые

новости «Айриш таймс», которые не имеют к ним никакого отношения. Вот замужние дамы в компании лишь романа прелестной Мейв Бинчи[2 - Мейв Бинчи (1940–2012) – ирландская писательница, автор очень популярных романов из обычной ирландской жизни.] балуют себя утренней чашечкой кофе. Вот студенты Тринити-колледжа, шумные и живые, ошалелые от собственной молодости и общества друг друга, поглощают кофе огромными кружками и вгрызаются в булки с сосисками. Вот горемыки, от кого отвернулась удача, за цену чашки чая надеются купить себе час-другой теплоты. Горожан всегда привлекало благодатное и неразборчивое гостеприимство Бьюли, которым иногда пользовались и мы с Ханной: вот мужчина средних лет и его вдовствующая сестра; опрятно одетые, они ведут негромкую беседу и по-прежнему любят пирожные, но фанту уже не пьют, опасаясь за желудок.

Ханна позвонила мне загодя, и я тотчас принял приглашение. Наверное, ей одиноко, подумал я. Ее старший сын, мой племянник Эйдан, вечно пропадал на лондонских стройках и дома почти не показывался. Звонил он Ханне, по-моему, еще реже меня. И потом, с ним было тяжело. В один прекрасный день он, веселый и дружелюбный мальчишка, этаким скороспелый затейник, вдруг превратился в угрюмого квартиранта в родном доме, и злоба, без всякого уведомления начавшая отравлять его юную кровь, с годами ничуть не уменьшилась, но лишь росла и разбухала, уничтожая все, с чем соприкасалась. Рослый, ладно скроенный, от скандинавских предков он унаследовал гладкую кожу и светлые волосы, и женщины, к которым он, похоже, был ненасытен, в мгновение ока сдавались без боя. Чего скрывать, из-за него одна несчастная девушка угодила в беду, когда оба еще не доросли до водительских прав, и разгорелся скандал; в результате после жуткой свары между Кристианом и отцом девушки, окончившейся вызовом полиции, ребенка отдали на усыновление. С тех пор об Эйдане я ничего не слыхал. Он всегда на меня поглядывал с этаким презрением. Однажды на каком-то семейном празднике он, в подпитии, прижал меня к стене и, подперев языком щеку, чуть ли не вплотную придвинулся к моему лицу; от него так несло табаком и спиртным, что я отвернулся.

– Слушай, тебе не кажется, что ты профукал свою жизнь, а? – вполне дружески спросил Эйдан. – Неужто никогда не хотелось отмотать назад и начать заново? Чтоб все по-другому. Чтоб стать нормальным человеком, а не тем, что ты есть.

Я покачал головой и ответил, что суть моей жизни – чувство глубокого удовлетворения, и выбор мой, хоть сделан в юные годы, остается неизменным.

Выбор мой неизменен, повторил я, и пусть племянник считает его никудышным, он придает моей жизни ясность и смысл, коих, к сожалению, лишено существование самого Эйдана.

– Вот тут ты не ошибся, Одран, – сказал он и, отшагнув, выпустил меня из заточения. – Но все равно я бы не смог быть тобой. Уж лучше застрелиться.

Да уж, Эйдан никогда не пошел бы моим путем, и я этому рад. Дело в том, что он лишен моего простодушия и неспособности к сопротивлению. Даже в детстве в нем угадывался мужик, каким мне никогда не стать. Поговаривали, в Лондоне Эйдан жил с женщиной старше себя, матерью двоих детей, что мне казалось очень странным, ибо от собственного ребенка он отказался.

Нынче в доме Ханны остался лишь юный Джонас, бука и молчун, в беседе вечно разглядывавший свои ботинки и перебиравший пальцами, точно неумный пианист. От чужих взглядов он вспыхивал и предпочитал уединенно читать в своей комнате, но если я спрашивал его о любимых писателях, Джонас отмалчивался либо, словно бросая отчаянный вызов, называл совершенно незнакомого мне иностранца – какого-нибудь японца, итальянца или португальца. Прошлым мартом на поминках по его отцу я, желая разрядить гнетущую атмосферу, спросил Джонаса, чем это он занимается взаперти – может, вовсе не читает? Это была шутка, я не имел в виду ничего дурного, но едва слова, которые слышали еще три-четыре человека, в том числе Ханна, слетели с моих губ, как я уразумел всю их пошлость, а бедный парень покраснел и поперхнулся лимонадом. Я от всей души хотел извиниться, что так его оконфузил, но этим все только усугубил бы, поэтому промолчал и оставил парня в покое, но, видимо, тогда-то наши отношения разладились, ибо он, наверное, решил, что я намеренно его унизил, чего у меня, конечно, не было и в мыслях.

В описываемое время Джонасу сравнялось шестнадцать и он готовился к выпускному экзамену, для него не представлявшему никакой сложности. Он всегда был умницей, раньше сверстников заговорил и научился читать. Кристиан, когда был жив, все любил повторять, что с такими мозгами сын его запросто станет врачом или адвокатом, премьер-министром Норвегии или ирландским президентом, но я всякий раз думал: нет, не это предназначено мальчику. Не знаю – что, но только не это.

Иной раз Джонас мне казался потерянным. Он никогда не говорил о друзьях. У него не было девушки, он никого не приглашал и сам не ходил на школьные

рождественские танцы. Он не вступал в клубы, не занимался спортом. Только школа и дом. По субботам отправлялся в кино, обычно на иностранные фильмы. Помогал по дому. Наверное, он одинок, думал я. А уж я-то знаю, каково быть одиноким мальчишкой.

После смерти Кристиана, мужа и отца, и отъезда Эйдана, сына и брата, в доме обитали только Ханна и Джонас, и я, мало что зная об их жизни, мог только догадываться, что женщине за сорок и дерганому подростку вряд ли есть о чем поговорить, и потому, наверное, тишина в их жилище и заставила Ханну снять трубку и позвонить старшему брату: может, как-нибудь заглянешь к нам на ужин, Одран? А то мы совсем тебя не видим.

В тот вечер я приехал на новой машине. В смысле, на своей новой подержанной машине – «форд-фиеста» 92-го года. Я купил эту малышку всего неделю назад и гордо рассекал в ней по городу. Припарковавшись перед домом Ханны, я открыл слегка провисшую калитку в черной облупившейся краске. Что же это Джонас ею не займется? – подумал я. Хоть еще мальчишка, но теперь, без Кристиана и Эйдана, он единственный мужчина в доме. А вот сад смотрелся вполне прилично. Посадки благополучно пережили холода, и ухоженные клумбы сулили поведать все сокрытые в них тайны, едва наступит весна, которой я всегда жду не дождусь, ибо люблю солнце, хотя коренной ирландец и редко могу под ним погреться.

Когда это Ханна заделалась садоводом? – раздумывал я. Похоже, что-то новенькое.

Я позвонил, на шаг отступил и, задрав голову к освещенному окну второго этажа, заметил промелькнувшую мужскую тень. Наверное, Джонас услышал машину и увидел, что я подхожу к двери. Мне хотелось, чтобы он отметил «фиесту». Что плохого, если дядька слегка выпендривается? Проскочила мысль, что надо быть повнимательнее к парню, ведь, как ни крути, я его единственный дядя, а теперь, без отца и брата, ему, скорее всего, потребно мужское влияние.

Ханна отворила дверь и, чуть согнувшись, пыталась рассмотреть, кого это принесло в столь поздний час. Я тотчас вспомнил покойную бабушку – в сестре проглядывала женщина, какой она станет лет через пятнадцать.

– Ох ты! – покивала Ханна, узнав меня. – Мертвые восстали.

– Ага, – улыбнулся я и, подавшись вперед, чмокнул ее в щеку.

От сестры пахло лосьоном и кремом, какими пользуются женщины ее возраста. Я распознаю этот запах всякий раз, когда мамы пожимают мне руку, приглашают у них отужинать и спрашивают, как мои дела и не сильно ли бедокурят их сынки. Не знаю, как называются эти лосьоны и кремы. Вроде это даже не лосьоны. В телерекламе их обзывают как-то иначе. Каким-то современным словцом. Но я вообще так несведущ в женщинах и их жизни, что моего незнания хватило бы на древнюю Александрийскую библиотеку.

– Рад тебя видеть, Ханна. – Я вошел в прихожую, снял пальто и повесил его на пустой крючок рядом с сильно поношенной пальтушкой сестры и коричневой замшевой курткой, явно принадлежавшей Джонасу.

– Входи, входи. – Ханна провела меня в гостеприимно теплую комнату. Горевший камин навеял мысль об уютных вечерах перед телевизором, из которого Энн Дойл рассказывает, как поживает Берти, вернется ли Братон и что поделявает бедолага Эл Гор[3 - Энн Дойл (р. 1952) – ирландская журналистка, уже 33 года она ведет новостную программу на национальном канале RTE. Берти – Патрик Бартоломью Ахерн (р. 1951), премьер-министр Ирландии с 1998 по 2008 г., его дочь – известная писательница Сесилия Ахерн. Джон Братон (р. 1947) – премьер-министр Ирландии с 1994 по 1997 г. Альберт (Эл) Гор (р. 1948) – вице-президент США, нобелевский лауреат (2007) – за деятельность по сохранению окружающей среды, в 2000 году баллотировался на пост Президента США и проиграл выборы Джорджу Бушу-младшему с разницей в сотые доли процента.], выброшенный на помойку.

На телевизоре стояло фото в рамке: маленький Катал смеется, словно перед ним, беднягой, целая жизнь. Раньше я не видел этого снимка. Катал, растрепанный, в коротких штанишках, стоит на морском берегу – сердце разрывалось от его смеющейся мордашки. В жизни Катала был только один морской берег, и непонятно, зачем Ханна выставила напоказ воспоминание о том ужасном времени. Где она вообще нашла эту фотографию?

– Как там пробки на дорогах? – из другого конца комнаты спросила сестра.

Я посмотрел на нее и не сразу ответил:

– Никаких пробок. У меня новая машина. Долетел с ветерком.

– Новая машина? Слишком шикарно. Это допускается?

– Не из автосалона. – Мысленно я приказал себе не считать машину новой. – В смысле, новая для меня. Подержанная.

– А так можно, да?

– Можно. – Я усмехнулся, не вполне ее понимая. – На чем-то нужно ездить, правда?

– Наверное. Кстати, который час? – Ханна глянула на часы, потом на меня: – Сядь, пожалуйста. Я нервничаю, когда ты стоишь столбом.

– Охотно. – Я уселся, а сестра вдруг шлепнула себя по губам и потрясенно на меня уставилась.

– Господи боже мой! – выговорила она. – Я что, пригласила тебя на ужин?

– Пригласила. – Лишь теперь я сообразил, что в комнате пахнет скорее воспоминанием об ужине, нежели обещанием трапезы. – Ты забыла?

Ханна смущенно сощурилась, отчего лицо ее сделалось необычайно чудным, и помотала головой:

– Ничего я не забыла. Хотя нет, похоже, забыла. Мне казалось... разве мы говорили не про четверг?

– Нет. – Я точно помнил, что мы условились на субботу. – Но возможно, я что-то перепутал. – Мне не хотелось, чтобы сестра себя чувствовала виноватой.

– Да нет, ты ничего не перепутал, – покачала головой Ханна, жутко расстроенная. – Не знаю, что со мной творится, Одрен. Я прям сама не своя. Не перечешь, сколько раз за последнее время я напортачила. Миссис Бирн уже сделала мне выговор – мол, встряхнись, собери мозги. Вечно она зудит. Что я, нарочно, что ли? Я не знаю, как перед тобой оправдаться. Ужина нет. Полчаса

назад мы с Джонасом поели, и я приготовилась смотреть телевизор. Может, сделать тебе бутерброд с колбасой? Сгодится?

Я подумал и кивнул:

– Это было бы здорово.

Потом я вспомнил, как всю дорогу у меня урчало в животе, и попросил, если не трудно, сделать два бутерброда. Запросто, ответила сестра, какие проблемы, она ведь полжизни только тем и занималась, что сооружала бутерброды с колбасой для двух оглоедов, что наверху.

– Двух? – переспросил я. Может, в окне я видел тень старшего брата Джонаса? – А что, Эйдан приехал?

– Эйдан? – удивилась сестра, замерев со сковородкой в руке. – Нет, ты прекрасно знаешь, что он работает в Лондоне.

– Ты сказала – для двух оглоедов.

– В смысле, для Джонаса.

Я оставил сестру в покое и повернулся к телевизору.

– Ты видела новости? Эти янки совсем взбаламутились, да?

– Еще все нервы нам измотают! – Ханна перекрикивала шипенье масла в сковородке, куда положила куски колбасы. – Я полдня пялилась в телик. Как по-твоему, от этого малого будет хоть какой-нибудь толк?

– Он еще не начал, а его уже все ненавидят. – Днем я мельком видел обзор новостей, и меня удивили толпы, протестовавшие на улицах американской столицы. Все говорили, что победы на выборах не было. Может, и не было, но соперники шли голова в голову, и инаугурация Гора не оказалась бы легитимнее.

– Знаешь, кто мне нравился? – девически мечтательным тоном спросила Ханна.

– Кто? Кто тебе нравился?

– Рональд Рейган. Ты помнишь его фильмы? По субботам их иногда показывают по Би-би-си-2. Пару недель назад был фильм, там Рональд Рейган играет железнодорожника, с ним происходит несчастный случай, и Рейган очушивается на больничной койке, ему ампутировали обе ноги. «Где мое остальное? – вопит он. – Где остальное-то?»

– Ну да, – сказал я, хотя не видел ни одной картины с участием Рейгана и разговоры о его киноролях меня ставили в тупик. Говорят, жена его была жуткая стерва.

– Он всегда так выглядел, словно за все в ответе, – продолжила сестра. – В мужчинах мне это нравится. Кристиан был такой же.

– Верно, – согласился я. Кристиан и вправду имел такой вид.

– Ты знаешь, что у него был роман с миссис Тэтчер?

– У Кристиана? – поразился я. Нечто невероятное.

– Да нет, у Рейгана, – раздраженно пояснила сестра. – По крайней мере, такие слухи. Дескать, они крутили любовь.

– Ну не знаю. – Я пожал плечами. – Вряд ли. Она слишком черствая для романа.

– Хорошо, что этот Клинтон убрался, – сказала Ханна. – Грязный паскудник, правда?

Я неопределенно качнул головой. Меня самого мутило от Билла Клинтона. Политика его мне нравилась, но озабоченность спасением собственной шкуры напрочь убила доверие к нему. Грозит пальцем, непроницаемый вид, все отрицает. И ни слова правды.

– Еще этот оральный секс, – сказала Ханна, и я изумленно вытаращился. Сестра никогда не произносила ничего подобного, я даже подумал, что ослышался, но

уточнять не стал. Что-то мурлыча, Ханна перевернула колбасу на сковородке. – Ты поклонник кетчупа или коричневого соуса?

– Кетчупа.

– Кетчуп закончился.

– Ладно, коричневый соус вполне сойдет. Я уж забыл, когда последний раз его пробовал. Помнишь, отец все подряд ел с ним? Даже лосося.

– Лосося? – Ханна подала мне тарелку с двумя аппетитными бутербродами. – Разве лосось когда-нибудь успевал вырасти?

– Изредка случалось.

– Такого не припомню. – Сестра уселась в кресло и взглянула на меня: – Ну как бутерброды?

– Что надо.

– Надо было накормить тебя ужином.

– Пустяки.

– Не знаю, что у меня с головой.

– Не переживай. – Я попробовал сменить тему: – Что у вас было на ужин?

– Курица с вареной картошкой. Вернее, пюре. Кристиан любит пюре.

– Джонас, – поправил я.

– Что – Джонас?

– Ты сказала – Кристиан.

Ханна растерянно покачала головой, словно не вполне меня поняв. Я хотел объяснить, но тут наверху скрипнула дверь и на лестнице раздались тяжелые медленные шаги. Через секунду появился Джонас; он мне кивнул, улыбнувшись застенчиво, но радушно. Не мешало бы ему постричься, подумал я, грех скрывать такие красивые скулы под отросшими патлами.

– Как поживаете, дядя Одрен? – спросил Джонас.

– Спасибо, хорошо. По-моему, с нашей последней встречи ты еще больше вымахал.

– Растет без удержу, – сказала Ханна.

– Ну разве что чуть-чуть, – возразил Джонас.

– А что это за прическа? – Я старался говорить дружески. – Сейчас так модно?

Джонас пожал плечами:

– Не знаю.

– Ему надо срочно постричься. – Ханна развернулась в кресле: – Почему не сходишь в парикмахерскую, сынок?

– Схожу, если дашь три с полтиной. У меня ни гроша.

– Отстань. – Ханна вернулась в прежнюю позицию. – Мне и без того хлопот хватает. Вот я тебе расскажу, Одрен. Собери мозги, говорит мне миссис Бирн, а не то... Кто бы говорил, я-то на этой работе на восемь лет дольше ее.

– Да, ты рассказывала. – Я доел бутерброд и принялся за второй. – Посидишь с нами, Джонас?

Он покачал головой и прошел в кухню:

– Я просто хотел попить.

– Как учеба?

– Хорошо. – Джонас заглянул в холодильник и недовольно сморщился.

– Вечно уткнется в книгу, – сказала Ханна. – Такие мозги надо на что-то тратить.

– Ты уже решил, кем хочешь стать? – спросил я.

Племянник что-то пробурчал, но я не расслышал. Наверное, какую-нибудь дерзость.

– Этот парень будет, кем захочет. – Ханна не отрывала глаз от Джорджа У. Буша, произносившего инаугурационную речь.

– Я точно не знаю. – Джонас вернулся в гостиную и скользнул взглядом по телевизору. – Филологическое образование ни к чему не готовит, но как раз филология меня интересует.

– По моим стопам не пойдешь, нет? – спросил я.

Джонас потряс головой и, слегка покраснев, незло рассмеялся:

– Вряд ли, дядя Одран. Уж извините.

– Еще неизвестно, как у тебя все сложится, – сказала Ханна. – А вот дядя твой сотворил себе благородную жизнь.

– Я знаю, – ответил Джонас. – Я не хотел...

– Я просто пошутил, – пресек я извинения. – Тебе всего шестнадцать. Наверное, в наше время всякий шестнадцатилетний юноша, выбравший мое поприще, напрашивается, чтобы друзья его съели живьем.

Джонас посмотрел мне в глаза:

– Вовсе не поэтому.

– Ты знаешь, что в газете напечатали его статью? – спросила Ханна.

– Ну, мам! – Джонас бочком двинулся к двери.

– Что-что? – удивился я.

– Статью, – повторила сестра. – В «Санди трибьюн».

– Вот как? – нахмурился я. – И на какую тему?

– Да это не статья. – Джонас залился румянцем. – Рассказ. В общем, чепуха.

– Что значит – чепуха? – вытаращилась Ханна. – В кои-то веки наше имя появилось в газете.

– Значит, рассказ? – Я отставил тарелку и повернулся к племяннику: – Литературное произведение?

Джонас кивнул, избегая моего взгляда.

– И когда напечатали?

– Пару недель назад.

– Что ж ты не позвонил? Я бы хотел прочесть. Все равно молодец. Стало быть, рассказ. Та к ты этим хочешь заниматься? Писательством?

Джонас пожал плечами; казалось, он смешался не меньше, чем от моей необдуманной реплики на поминках. Чтобы еще больше его не смущать, я отвернулся к телевизору.

– Ну что ж, удачи, – сказал я. – Это великая цель.

Джонас вышел из комнаты, а я усмехнулся и взглянул на сестру, углубившуюся в программу передач.

– Надо же, писатель.

Ответ меня слегка озадачил:

– От Брау-Хед до Банбас-Краун[4 - Брау-Хед – самая южная точка Ирландии, а Банбас-Краун – самая ее северная.] пешком далеко. – Потом сестра отложила журнал и уставилась на меня, словно впервые видела. – Ты так и не рассказал, что случилось с мистером Флинном.

– С кем? – Я порылся в памяти, но не отыскал в ней никаких Флиннов.

Ханна потрянула головой – мол, неважно – и прошла в кухню, оставив меня в недоумении.

– Я заварю чай, – сказала она. – Выпьешь чайку?

– Выпью.

Когда Ханна появилась с двумя чашками кофе, я промолчал. Видно, сестра о чем-то задумалась; выглядела она рассеянной.

– Все хорошо, Ханна? – спросил я. – Ты на себя не похожа. Тебя что-то беспокоит?

Сестра помолчала, затем подалась вперед и прошептала:

– Я не хотела говорить, но раз ты сам начал... только между нами... по-моему, Кристиан нездоров. Его мучают головные боли. Но разве он пойдет к врачу? Поговори с ним, меня он не слушает.

Я просто онемел. О чем это она?

– Кристиан? – выговорил я наконец. – Но ведь он умер.

Ханна посмотрела на меня, словно я хлестнул ее по лицу:

– А то я не знаю. Я же его хоронила. Зачем ты напоминаешь?

Я растерялся. Может, я недослышал? Я потрянул головой. Ладно, бог с ним. Я выпил кофе. В девять часов начался обзор новостей, я посмотрел, как Билл с Хиллари, попрощавшись с нацией, садятся в вертолет, и сказал, что и мне, пожалуй, пора.

– Надолго не пропадай. – Ханна не встала и вообще не сделала попытки меня проводить. – В следующий раз накормлю тебя обещанным ужином.

Я кивнул и безропотно вышел в прихожую, затворив дверь гостиной. Когда я натягивал пальто, на площадке второго этажа появился босой Джонас.

– Уходите, дядя Одрен?

– Да, Джонас. Надо бы нам беседовать почаще.

Он кивнул и, медленно спустившись по лестнице, протянул мне свернутую газету.

– Вот, если хотите, – сказал Джонас, глядя в сторону. – Это мой рассказ. В «Трибьюн».

– Замечательно. – Меня тронуло его желание дать мне газету. – Вечером прочту и верну.

– Не надо. Я купил десять экземпляров.

Я улыбнулся и спрятал газету в карман.

– Я бы сам купил, если б знал.

Джонас переминался, нервно поглядывая на дверь гостиной.

– У тебя все в порядке? – спросил я.

– Да.

– Похоже, тебя что-то беспокоит.

Джонас шумно засопел.

– Я хотел кое о чем вас спросить, – сказал он, избегая моего взгляда.

– Ну спрашивай.

– Насчет мамы.

– А что такое?

Джонас сглотнул и наконец посмотрел мне в глаза:

– По-вашему, все в порядке?

– С мамой?

– Да.

– Она выглядит немного усталой. – Я взялся за щеколду. – Может, ей нужно хорошенько выспаться. Это, наверное, никому не мешает.

– Погодите. – Джонас придержал дверь. – Она заговаривается и все забывает. Не помнит, что папа умер.

– Годы берут свое. – Я распахнул дверь, прежде чем он успел мне помешать. – Нас всех это ждет. И тебя тоже, но еще не скоро, так что не волнуйся. Холодно-то как, а? – Я вышел за порог. – Иди, а то простудишься.

– Дядя Одран...

Не дав ему договорить, я зашагал прочь. Джонас посмотрел мне вслед и закрыл дверь. Кольнуло виной, но я не мог ничего с собой поделать. Хотелось домой. Я подошел к машине и тут услышал стук по стеклу. Я оглянулся – Ханна раздернула тюлевые шторы и что-то крикнула.

– Что? – Я приложил руку к уху. Сестра поманила меня ближе.

– Где мое остальное? – выкрикнула она и, расхохотавшись, задернула шторы.

Я уже понял, что с Ханной неладно и грядет нечто, от чего все мы еще хлебнем горя, однако эгоистически отбросил эту мысль. Через неделю позвоню, решил я. Приглашу сестру в кафе «У Бьюли» на Графтон-стрит. Угощу яичницей, пирожным и кофе с лохматой белой пенкой. И вообще постараюсь заглядывать почаще.

Я стану хорошим братом, каким, вероятно, не был раньше.

Прежде чем ехать домой, я решил наведаться в Инчикор, хоть было уже поздновато. Конечно, выходил крюк, но меня тянуло заглянуть в церковь и побыть в святилище – копии грота Лурда, города, который я никогда не видел, да и не хотел увидеть. Я не выношу эти паломнические места – Лурд, Фатима, Междугорье, Нок, – которые выглядят фантазией впечатлительного ребенка или бредом пьяницы, но Инчикор не привлекал паломников: простенькая церковь и святилище со статуей. Вечерами я частенько туда наезжал, если вдруг охватывало беспокойство.

По пустым дорогам доехал я быстро, припарковался и вошел в открытые ворота. Светила яркая рябая луна, но вот я свернул за угол и вдруг услышал то ли плач, то ли мучительный стон, донесшийся со стороны грота. Я замешкался, пытаюсь определить природу этого звука. Если там забавлялась молодая парочка, я не желал этого видеть и даже знать об этом; я уже был готов вернуться к машине и ехать домой, но тут понял, что слышу не страстные вопли, а затаенные безудержные рыдания.

Я осторожно двинулся вперед и, присмотревшись, увидел лежащую ничком фигуру, будто распятую: руки-ноги раскинуты в стороны. Первая мысль – здесь совершили преступление. Кто-то убил человека перед гротом инчикорской церкви. Но тут фигура шевельнулась и, приподнявшись, встала на колени, и я понял, что человек живехонек и молится. Это был священник в черной сутане, подолом которой играл ветерок. Коленопреклоненный человек вскинул руки к небесам, а потом сжал кулаки и замолотил себя по голове с такой безумной

яростью, что я уж хотел вмешаться, рискуя тем, что и сам пострадаю от его горя или помрачения. Он чуть повернулся, и в лунном свете я разглядел его лицо. Молодой человек, лет на десять, а то и больше, моложе меня. Где-то слегка за тридцать. Темная копна волос, внушительный нос с широкой переносицей. Человек вскрикнул и вновь рухнул наземь. На сей раз стоны и рыдания его звучали глуше, но по спине моей пробежал холодок, когда я посмотрел в сторону и заметил еще одну фигуру.

Почти невидимая, в углу грота взад-вперед раскачивалась старуха лет под семьдесят, по лицу ее, искаженному мукой, струились слезы. Когда она попала в свет, я заметил, что они со священником чем-то похожи, а разглядев внушительный нос, понял, что старуха – его мать.

Вот так оно и продолжалось: молодой человек лежал ничком, умоляя мир положить конец пытке, а его мать мучительно дрожала и озиралась, словно ожидая, что небеса разверзнутся и Господь немедля призовет ее к себе.

Жуткое зрелище. Оно меня чрезвычайно расстроило. Наверное, другой на моем месте подошел бы к этой паре и попытался утешить, но я в страхе поспешно ретировался, ибо ощутил надвигавшийся ужас, справиться с которым мне не по силам.

Прошло больше десяти лет, но эти два эпизода помнятся, словно все было на прошлой неделе. Джордж У. Буш сгинул. А я помню, как Ханна, сидя в кресле, говорила, что ее покойный муж страдает ужасной головной болью, и помню мать с сыном, рыдавших в инчикорском гроте. Я помню, что, вернувшись к уюту своей одинокой постели, я совершенно определенно понял: знакомый мир и моя вера в него заканчиваются, но никто не знает, что придет им на смену.

Глава 2

2006

Пятью годами позже меня выдворили из Теренурского колледжа, в котором я жил и работал двадцать семь лет. Я уже давно осознал, что абсолютно счастлив

в укрытии высоких стен и запертых ворот сего частного образовательного анклава, и перемена образа жизни стала для меня потрясением.

Вообще-то я не собирался задерживаться в Теренуре так надолго. Когда в середине 1979 года я после семи лет учебы вернулся из Рима в Дублин, моему имени сопутствовал скандальный душок, но меня наконец-то возвели в сан и определили школьным священником, посулив скорое получение прихода. Однако новое назначение почему-то так и не состоялось. Вместо этого я получил диплом о высшем образовании и стал преподавать английский язык и попутно историю. Кроме учительства, я заведовал библиотекой, а еще ежедневно в половине седьмого утра служил мессу для неизменной кучки пенсионеров, которые так и не выучились от души поспать либо опасались не проснуться вообще. Восьмидесятые годы сменились девяностыми, кои уступили место двадцать первому веку, и моя востребованность в роли духовника молодежи печально снизилась, ибо студенты считали духовную жизнь все менее важной.

В нашей регбийной школе, элитарном заведении на южной окраине Дублина, обучались дети состоятельных родителей – застройщиков, банкиров и бизнесменов, полагавших, что их счастье никогда не закончится, – и я, плохо разбиравшийся в спорте, постарался развить свой интерес к нему, ибо иначе в Теренуре не выжить. В целом я ладил с ребятами, поскольку не запугивал их и не лез к ним в друзья (две распространенные ошибки моих коллег), и потому сохранял устойчивость на зыбучем песке отношений с первокурсниками и выпускниками. Заносчивые юнцы частенько бывали высокомерны и грубы с теми, кому не повезло с привилегированным рождением, но я всеми силами старался их очеловечить.

Телефонный звонок секретаря архиепископа Кордингтона раздался днем в субботу, и если я встревожился, то лишь потому, что неверно истолковал причину вызова.

– Меня одного вызывают? – спросил я отца Ломаса. – Или всех скопом?

– Только вас, – невероятно сухо ответил секретарь. Кое-кто из окружения архиепископа зол на весь свет.

– Как вы думаете, это надолго?

– Его преосвященство примет вас во вторник в два часа, – сказал секретарь (что я счел как «нет») и повесил трубку.

В Драмкондру я ехал с тяжелым сердцем – а ну как спросят, были ли у меня подозрения насчет Майлза Донлана и, если были, почему я о них не доложил? Что мог я сказать, коль беспрестанно задавал себе этот вопрос и не находил ответа?

– Отец Йейтс! – улыбнулся архиепископ, когда я вошел в его личный кабинет, изо всех сил стараясь не выказать угнетенность от окружающей роскоши. На стенах висели картины, которым самое место в Национальной галерее. Возможно, оттуда их и взяли, пользуясь должностными привилегиями. На толстенном ковре можно было выспаться, как на перине. Все вокруг вопило о процветании и расточительстве, противоречивших обетам, которые мы оба давали. Богатство епископальной резиденции, хоть гораздо меньшего размаха, слегка напоминало Ватикан, и я вновь мысленно перенесся в 1978-й, когда целый год служил трем богам одновременно: утро и вечер отдавал рабским обязанностям, дни посвящал учебе, а в сумерках стоял под открытым окном дома на Виколи-делла-Кампанья, снедаемый тоской и непонятным желанием.

Почему за двадцать восемь лет боль ничуть не стихла? – спрашивал я себя. Неужто нет лекарства от травм, полученных в юности?

– Здравствуйте, ваше преосвященство. – Опустившись на колени, я приложился к массивному золотому перстню на правом безымянном пальце архиепископа и по приглашению хозяина проследовал к паре кресел перед камином.

– Рад тебя видеть, Одран, – сказал архиепископ, рухнув в кресло.

Джим Кордингтон, на два года раньше меня окончивший Клонлиффскую семинарию, когда-то был лучшим полузащитником дублинской команды по херлингу, но теперь обленился и разжирел. Я помню, как на поле Холи-Кросс он мчался, точно ветер, и никто не мог его остановить. Что же с ним произошло за эти годы? – думал я. Некогда точеное лицо обрюзгло и пошло красными пятнами, нос покрылся сетью прожилок. Улыбаясь, Джим имел обыкновение слегка бычиться, и теперь стоило ему пригнуть голову, как возникали ряды подбородков, наслаивавшихся друг на друга, как витки радужной меренги.

– Я тоже, ваше преосвященство, – сказал я.

– Будет тебе, кончай ты с этим «преосвященством», – отмахнулся архиепископ. – Для тебя я Джим. И здесь мы одни. Официоз побережем для другого случая. Ну, как поживаешь? Все хорошо?

– Да, – ответил я. – Как обычно, весь в трудах.

– Давненько мы не виделись.

– По-моему, с прошлогодней конференции в Мэйнуте.

– Да, наверное. Слушай, ты же в этой знатной школе, да? – Архиепископ поскреб щеку, и чуть отросшая щетина заскрипела под его пальцами. – А ты знаешь, что и я учился в Теренуре?

– Знаю, ваше преосвященство, – сказал я. – То есть Джим.

– Наверное, сейчас там все по-другому.

Я кивнул. Конечно, все меняется, все.

– Ты не слышал о таком священнике – Ричарде Кэмуэлле? – спросил архиепископ, подавшись вперед. – Жуткая была личность. Имел привычку за ухо вытащить ученика из-за парты и отвесить мощную оплеуху, от которой тот летел кубарем. Одного парня он схватил за лодыжки и вывесил из окна шестого этажа, а во дворе весь класс вопил: «Отче, отче, не бросайте его!» – Архиепископ усмехнулся и покачал головой. – Да уж, мы трепетали перед священниками. Некоторые были истинным кошмаром. – Он нахмурился и, посмотрев мне в глаза, выставил палец: – Но святым кошмаром. Тем не менее святым.

– Если нынче прибегнуть к подобным методам, парни дадут сдачи, – сказал я. – И будут правы.

– Насчет этого не знаю. – Архиепископ пожал плечами и откинулся в кресле.

– Вот как?

– Мальчишки – ужасные создания. Им нужна дисциплина. Ты лучше меня это знаешь, потому как весь учебный год проводишь с ними пять дней в неделю. Вот вспомню, как в школе меня лупили, и удивляюсь, что вообще остался живой. И все равно счастливое было время. Чертовски счастливое.

Я кивнул, прикусив губу. Хотелось многое сказать, но страх меня удерживал. Всего год назад один теренурский учитель, мирянин, не священник, за какую-то дерзость шлепнул четырнадцатилетнего подростка по уху, а тот врезал ему кулаком и сломал бедняге нос. Парень был щуплый, но крепкий и заносчивый. Его отец возглавлял отделение международного банка, и мальчишка вечно хвастал, сколько воздушных миль он накопил. В мое время его взащей выгнали бы, но теперь, конечно, все иначе. Учителя, хорошего человека, но абсолютно непригодного к работе уволили, родители подали на него в суд, а школа выплатила парню четыре тысячи евро – компенсацию за «душевную травму».

– Моя бабушка жила на выезде из Теренура, – продолжал архиепископ. – Неподалеку от моста через Доддер. К нашему дому был ближе Гаролд-Кросс, но я полжизни провел у бабушки. Ох, как она готовила! Из кухни не вылезала. За шестнадцать с лишним лет родила четырнадцать детей, представляешь? И никогда не жаловалась. Всех вырастила в домике из двух комнат. Уму непостижимо. В двух комнатах муж с женой и четырнадцать детей. Сельди в бочке, скажи?

– Наверное, у вас полно кузенов, – сказал я.

– Со счету сбился. Один кузен работает механиком в «Формуле-1». На переобувке, знаешь? Гонщик заезжает сменить покрышки. На все про все, рассказывал кузен, дается ровно сорок секунд, иначе прощайся с работой. Представляешь? Я бы все еще искал балонный ключ. Не сказать, что я часто вижу с родственниками. Ты не поверишь, сколько времени отнимает эта работа. Считаю, тебе повезло, Одран, что тебя не повысили.

Ответить было нечего. Я с отличием окончил семинарию, и меня отобрали для обучения в Епископальном ирландском колледже в Риме, где в 1978 году мне вдруг предложили одну должность, ставшую благом и проклятьем. Если б я благополучно завершил курс, меня ждало бы быстрое продвижение по служебной лестнице, однако еще до окончания учебного года я лишился своей работы, а напротив моего имени появилась черная несмываемая метка.

Мои однокашники по семинарии были весьма амбициозны, а меня карьера прельщала мало – не припомню, чтоб даже в юности я очень стремился к высоким постам. По-моему, с самого начала было ясно, кому уготовано архиепископство, а кому (как парню всего на курс старше) красная шапка кардинала. Я хотел одного – стать хорошим священником и хоть чем-то помогать людям. На мой взгляд, это было вполне амбициозно.

– Но ты доволен своей жизнью? – спросил архиепископ.

– Да, – кивнул я. – В большинстве ребята славные. Я стараюсь с ними ладить.

– Не сомневаюсь, Одран, не сомневаюсь. Со всех сторон я слышу о тебе только хорошее. – Он посмотрел на часы: – Ох ты, уже сколько натикало. Давай по стаканчику?

Я покачал головой:

– Спасибо, нет.

– Да ладно тебе! Я-то приложусь. Не заставляй меня пить в одиночестве.

– Не могу, ваше преосвященство, я за рулем.

– Пф!

Архиепископ пренебрежительно отмахнулся, словно трезвое вождение было какой-то новомодной причудой, выбрался из кресла и подошел к буфету, где стояла бронзовая статуэтка дублинского архиепископа Джона Чарльза Маккуэйда, на похоронах которого в 1973 году присутствовали все семинаристы. Содержимому буфета позавидовал бы бар «У Слэттери» на Рэтмайнз-роуд. Из бутылки, стоявшей в углу, архиепископ налил себе добрую порцию виски, слегка разбавил содовой и, звучно кряхтя, вновь уселся в кресло.

– Придаст мне сил на остаток дня. – Он подмигнул и отхлебнул из стакана. – После тебя прибудет делегация монахинь, вот уж кара Господня. Что-то насчет новых туалетов в монастыре. Но откуда взять деньги на уборные, если ежедневно называют священники и требуют скоростной интернет? А это

штука недешевая.

– Можно поделить, – предложил я. – Часть денег – священникам, часть – монахиням.

Архиепископ расхохотался, в ответ я вежливо улыбнулся.

– Прекрасно, Одран, прекрасно! Ты всегда был скор на шутку, верно? Слушай, а как ты насчет небольших перемен?

Сердце мое упало. Я готовился к одному разговору, но, похоже, предстоял совсем другой. Меня переводят? После стольких лет? Но я полюбил огороженные поля для регби, длинную подъездную аллею к главному корпусу, тишину моего коридора и покой моей маленькой комнаты, безопасность класса. Я страшился возможного разговора, но беседа оказалась еще хуже. Гораздо хуже.

– Я бы не хотел ничего менять, – сказал я. Все же стоило попытаться. Вдруг он сжалится? – Работа моя не закончена. Многим ребятам нужна помощь.

– Ну, работе вечно нет конца-краю, – ответил архиепископ. – Дело просто переходит от одного к другому. Я хочу послать в Теренур замечательного парня, думаю, ему это будет очень полезно. Отец Муки Нгезо. Может, встречал?

Я покачал головой. Из молодых священников я мало кого знал. Да их и было не так много.

– Он чернокожий, – сказал архиепископ. – Наверняка ты его видел.

Я не понял, была эта характеристика чисто фактологической или несколько уничижительной. Можно ли сегодня говорить «чернокожий» или тебя сочтут расистом?

– Я не... – начал я, не зная, как закончить предложение.

– Он прекрасный парень, – повторил архиепископ. – Несколько лет назад приехал из Нигерии. Ты смотри, что творится: раньше мы посылали своих ребят в миссии, а теперь миссии присылают нам своих парней.

– Выходит, мы превращаемся в миссию? – сказал я.

Архиепископ помолчал и кивнул:

– Я, видишь ли, об этом не задумывался. Наверное, так оно и есть. Этакий странный пас, верно? Знаешь, сколько в этом году я получил заявок на место священника от дублинской епархии?

Я покачал головой.

– Одну, – сказал архиепископ. – Одну! Представляешь? Я встретился с соискателем, и он абсолютно не годился. Придурок какой-то. В разговоре все время грыз ногти и хохотал. Все равно что беседовать с койотом.

– С гиеной, – поправил я.

– Ну да, с гиеной. Я так и сказал. В общем, я дал ему от ворот поворот и велел подумать, есть ли у него призвание к нашему делу, и уж тогда снова поговорим, а он расплакался, и я чуть ли не на руках вынес его из кабинета. В приемной ждала его матушка, и я понял, что это она его настропалила.

– Всех нас настропалили наши матушки, – брякнул я необдуманно.

Архиепископ покачал головой:

– Ну так-то уж не надо, Одран, а?

– Я просто хотел сказать...

– Ладно, ничего. – Архиепископ снова глотнул из стакана, на сей раз от души, и прикрыл глаза, смакуя вкус, а затем проговорил: – Майлз Донлан.

Я уставился в пол. Вот этого разговора я и ждал.

– Майлз Донлан, – тихо повторил я.

– Я полагаю, ты читаешь газеты, смотришь новости?

– Да, ваше преосвященство.

– Шесть лет. – Архиепископ присвистнул. – Как по-твоему, он выживет?

– Он немолод. А в тюрьме, говорят, не жалуют... – Я не смог произнести это слово.

– А что, никакие слухи до тебя не доходили, Одран?

Я сглотнул. Слухи, конечно, доходили. В Теренуре мы с отцом Донланом долгие годы работали бок о бок. Если честно, он всегда мне не нравился: в нем было что-то неприятное, а о ребятах он говорил, словно они одновременно его притягивали и отвращали. Но слухи, однако, доходили.

– Я не очень хорошо его знал, – уклонился я от ответа.

– Не очень хорошо знал, – негромко повторил архиепископ, в упор глядя на меня. Я отвел взгляд. – А вот скажи, Одран, если б ты слышал разговоры о нем или о ком-нибудь другом, как ты бы поступил?

Честный ответ – никак.

– Наверное, я бы поговорил с этим человеком.

– Поговорил бы с этим человеком. А со мной ты бы о нем поговорил?

– Вероятно, да.

– Ты бы обратился в полицию?

– Нет, – тотчас ответил я. – По крайней мере, не сразу.

– Не сразу. А когда?

Я потрянул головой, пытаюсь понять, что он хочет услышать.

– Честное слово, Джим, я не знаю, что бы сделал, кому и когда рассказал и рассказал бы вообще. Я бы рассудил по обстановке.

– Ты бы рассказал мне, вот что ты бы сделал. – Тон моего собеседника стал угрожающим. – Мне и больше никому. Неужто не видишь, как газеты на нас ополчились? Мы утратили контроль. И должны его восстановить. Репортеров надо прижать к ногтю. – Он глянул на статуэтку архиепископа Маккуэйда. – Думаешь, он бы терпел это безобразие? Нет, позакрывал бы типографии. Перекупил бы аренду студии и разогнал телевизионщиков.

– Сейчас другие времена, – сказал я.

– Паршивые, вот какие. Однако я отвлекся. О чем мы говорили?

– О нигерийском священнике, – напомнил я, радуясь смене темы.

– Ах да, отец Нгезо. В общем, он хорош. Черен как ночь, но это неважно. Он не один такой. В округе Доннибрук три парня из Мали, два кенийца и еще один из Чада. Говорят, в следующем месяце место викария в Тёрлсе займет малый из Буркина-Фасо. Ты когда-нибудь слышал об этой стране? Я – нет, но, выходит, есть такая.

– Кажется, она где-то повыше Ганы? – Я мысленно представил карту мира.

– Не знаю и знать не хочу. Хоть на одной из лун Сатурна, мне все равно. Нынче берем, понимаешь ли, что дают. Пускай юный Нгезо попытает счастья в Теренуре. Ему нужно сменить обстановку, к тому же он заядлый болельщик регби. Ты-то не особо интересуешься игрой, да?

– Кубковые матчи я не пропускаю, – возразил я.

– Вот как? А я думал, ты равнодушен к спорту. Нгезо поладит с ребятами, а им весьма полезно соприкоснуться с иной культурой. Ты не против освободить ему место?

– Я проработал там двадцать семь лет, ваше преосвященство.

– Я знаю.

– Школа стала мне домом.

Архиепископ вздохнул и, пожав плечами, слегка улыбнулся:

– У нас нет дома. То есть своего собственного. Ты это знаешь.

Легко тебе говорить, подумал я, покосившись на бархатные мебельные покрывала и тюлевые шторы.

– Я буду скучать по школе, – сказал я.

– Тебе не мешает на время оставить учительство и вернуться к церковной работе. Всего лишь на время.

– Поймите, ваше преосвященство, я никогда не служил в приходе.

– Джим, – лениво поправил архиепископ. – Джим.

– Я даже не представляю, где я мог бы начать. Вы-то куда хотели меня направить?

Архиепископ потупился и шумно засопел, на лице его промелькнуло легкое смущение.

– Ты, наверное, догадываешься, – сказал он. – Это, конечно, временно. Просто мне нужно кем-нибудь заменить Тома.

– Какого Тома?

– А как ты думаешь – какого?

– Тома Кардла? – вытаращился я.

– Вообще-то он сам тебя предложил.

– Он сам?

– Идея была моя, отец Йейтс, – жестко сказал архиепископ. – Но все варианты обсуждались в его присутствии.

В это верилось с трудом.

– Мы с ним виделись в прошлую пятницу. Он и словом не обмолвился.

– А я с ним виделся в субботу утром. Он заглянул ко мне на разговор. И он считает, тебе это будет по нраву. Я согласился.

Я не знал, что сказать. Быть не может, чтобы Том обсуждал ситуацию с Джимом Кордингтоном, сперва не поговорив со мной. Ведь мы с ним давние и очень близкие друзья.

В 1972 году мы с Томом Кардлом в один день прибыли в семинарию и сидели рядом, когда каноник рассказывал о распорядке нашей жизни на ближайшее время. Том, деревенский парень из Уэксфорда, был чуть старше меня – на прошлой неделе ему сравнялось семнадцать. Я сразу понял, что в Клонлиффе ему не по себе. Он излучал безысходное отчаяние, что сразу к нему расположило – не из-за того, что я пребывал в схожем состоянии, а просто я боялся одиночества и решил как можно скорее завести себе друга. Я уже скучал по Ханне и, хоть еще совсем мальчишка, предвидел, что мне может понадобиться конфидент, потому и выбрал Тома. Вернее, мы выбрали друг друга. Стали друзьями.

– Как ты? – примеряясь к христианскому милосердию, спросил я, когда мы распаковывались в отведенной нам келье (поскольку на ознакомительном собрании мы сидели рядом, нас и поселили вместе). Крохотная комната не впечатляла: узкий проход между койками, притиснутыми к стенкам, один платяной шкаф, на тумбочке тазик с кувшином, на полу ведро. – Чего-то ты маленько сбледнул.

– Самочувствие паршивое. – Его сильный провинциальный говор меня порадовал
– я не горел желанием квартировать с дублинцем. Но когда я узнал, что он из
Уэксфорда, рана в душе моей вновь открылась, ибо при всяком упоминании
этого графства волной накатывала печаль.

– После дороги? – спросил я.

– Наверное. Всего растрясло. Мы приехали на папином тракторе.

Я опешил:

– На тракторе из Уэксфорда в Дублин?

– Ну да.

Я вздохнул и покачал головой:

– Да разве это возможно?

– Мы ехали потихоньку. Часто ломались.

– Да уж, не хотел бы я оказаться на твоём месте. Тебя, кстати, как зовут?

– Том Кардл.

– А меня – Одран Йейтс.

Мы пожали руки, Том взглянул на меня, и мне показалось, что он вот-вот
расплачется.

– Ты рад, что ты здесь? – спросил я. В ответ он что-то неразборчиво буркнул. – Ты
т клево, не бойся. Пару лет назад сюда поступил один мой знакомый, так он
говорил, здесь весело. Не одни молитвы и всякое такое. Каждый день игры,
спорт, хоровое пение. Ты т классно, вот увидишь.

Том кивнул, но, похоже, я его не убедил. Он открыл чемодан со своим барахлишком – рубашки, штаны, исподнее и носки. Сверху лежала роскошная Библия, и я взял ее посмотреть.

– От мамы с папой, – сказал Том. – Вроде как на прощанье.

– Наверное, дорогушая. – Я протянул ему фолиант.

– Возьми, если хочешь. Мне она без надобности.

Я рассмеялся, полагая, что он шутит, но лицо его было серьезно.

– Нет-нет, она твоя, – сказал я.

Том пожал плечами, взял Библию и небрежно бросил ее на тумбочку. За все годы он лишь раз-другой открыл эту книгу.

– В этом приходе Том прослужил всего года два, – сказал я. Столь скорая замена удивляла: и без того за последние двадцать пять лет Том сменил немало мест. Ты живешь на чемоданах, говорил я.

– Восемнадцать месяцев. Приличный срок.

– Наверняка он только обустроился.

– Он нуждается в перемене.

– Конечно, это не мое дело, – начал я, прикидывая, не поможет ли робкое непокорство сорваться с крючка, – но бедняга Том уже достаточно наездился. Наверное, было бы справедливо оставить его в покое, не правда ли?

– Как там у Шекспира? – широко ухмыльнулся архиепископ. – Не наше дело задавать вопросы?

– «Им надлежит не вопрошать, но исполнять и умирать», – поправил я. – Теннисон, «Атака легкой кавалерии».

– Разве не Шекспир?

– Нет, ваше преосвященство.

– Я был уверен, это Шекспир.

Я промолчал.

– Но суть не меняется, – холодно сказал архиепископ. – Тому Кардлу надлежит не вопрошать. – Он глотнул из стакана и добавил: – Это касается и Одрана Йейтса.

– Извините. Я лишь хотел...

– Не волнуйся. – Архиепископ прихлопнул ладонью по подлокотнику и снова улыбнулся – да уж, он умел развернуться на пятачке. – Конечно, тебе понадобится время, чтобы привыкнуть. Эти прихожане, которые каждый божий день дудят тебе в уши. И в первые два месяца море чая, на который зазывают старые склочницы, чтобы тебя оценить. – Он смолк и оглядел свои идеально ухоженные ногти. – А еще тебе придется опекать служек. Но ты умеешь общаться с мальчишками.

Я застонал. Я знал, как управиться с подростками пятнадцати-шестнадцати лет, но никогда не имел дела с восьмилетней мелюзгой. Если откровенно, шумная детвора меня раздражает. На службах дети вечно егозят, а родители – ноль внимания.

– Может, кто-нибудь другой за ними приглядит? – спросил я. – Эти малыши ужасные непоседы. Боюсь, у меня не хватит терпения.

– Так воспитай его в себе. – Улыбка архиепископа опять угасла. – Воспитай, Одран. Впрочем, Том их усмирил, тебе не о чем беспокоиться. – Джим рассмеялся: – Знаешь, как эти служки его прозвали? Сатана! Прости меня, Господи, но это смешно, да?

Я оторопел:

– Это ужасно.

– Будет тебе, они же дети. Безгрешные, когда не врут. Мальчишки всегда выдумывают прозвища. Помнишь, в семинарии мы тоже награждали священников кличками?

– Да, но не столь жуткими.

Повисло молчание; архиепископ явно еще что-то удумал.

– Тут еще кое-что, – сказал он.

– Да?

– Вопрос щекотливый. Не для огласки.

– Разумеется.

Архиепископ поразмыслил и тряхнул головой:

– Нет, не к спеху. Скажу в другой раз. – Он прикрыл веки, и я уж решил, что он собрался вздремнуть, но глаза его вдруг распахнулись. – Все хотел спросить – твой племянник пишет книги, верно?

Я кивнул, удивленный и слегка встревоженный столь резкой переменой темы:

– Да, Джонас.

– Джонас Рамсфйелд. Ничего себе имечко. Отец его швед, что ли?

– Норвежец.

– Нынче парень не сходит с газетных страниц, да? Я тут как-то видел его в вечерних новостях, он говорил о своей книге. Кажется, ее экранизируют?

– Да, верно.

– Похоже, он знает свое дело. Говорил очень хорошо. А ведь совсем молодой. Сколько ему?

– Двадцать один.

– Вот что называется дар Божий, – покивал архиепископ.

– Не знаю, хорошо ли все это в столь юном возрасте.

– Ничего, удачи ему. Правда, я не читал его книги.

– Их всего две.

– Вот обе и не читал. А ты, наверное, прочел?

– Да, конечно.

– И что, хорошие? Я слышал, там полно матерщины. И сплошь про то, как парни с девками кувыркаются. Что это вообще за книги? Грязное чтиво?

– В них все не так уж плохо, – улыбнулся я. – Наверное, он сказал бы, что передает живую речь. И что пишет не для стариков вроде нас.

– А молодежи нравится, да? Но ведь это не творчество, скажи? Не литература. Не помню, чтобы У. Б. Йейтс отплывал в сучий Византий или Пэдди Кавана рассуждал о сраной слякоти Монахэна[5 - Патрик Кавана (1904–1967) – ирландский поэт и романист, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с графством Монахэн.].

Опешив от грубых слов, я изготовился к защите племянника:

– Но вы сами сказали, что не читали его книги.

– Необязательно есть кошатину, дабы убедиться, что она тебе не по вкусу, – парировал архиепископ. – И раз уж мы об этом заговорили, лучше тебе помалкивать и не афишировать свое родство с ним. Это будет неприглядно.

В голове роилась сотня ответов, но я прикусил язык.

– Послушай, Одран, я понимаю, для тебя все это как гром среди ясного неба. – Подавшись вперед, архиепископ вернулся к теме, которую я счел закрытой, но, видимо, она не давала ему покоя: – Однако мы с Томом все обсудили, и он полагает, что ты – лучшая кандидатура. Он в тебе абсолютно уверен. И я тоже. Доверься мне, хорошо?

– Конечно, ваше преосвященство. Просто я удивляюсь, что Том меня рекомендовал, вот и все. Не поговорив со мной.

– А зачем ему говорить? – Архиепископ откинулся в кресле и, великодушно улыбнувшись, развел руки: – Ведь вы лучшие, ты и старина Сатана, верно?

Представить, что мальчишки боялись и ненавидели Тома Кардла, было трудно, тем более что я-то знал, каким он был в семнадцать лет.

В первый вечер, устроившись в келье, мы спустились в Большой зал и сели рядом за стол. И сейчас я помню тот ужин. Кусок камбалы с растаявшим маслом, миска жареной картошки, в центре стола горшок с фасолью. Четырнадцать голодных мальчишек по кругу передавали горшок и его содержимым сдабривали еду, чтобы забить ее вкус. Уже обвыклись все, кроме Тома, лицо которого вновь обрело нормальный цвет, но сохраняло выражение сердитого испуга. Все мы еще были друг другу чужие. В один прекрасный день всех нас матушки усадили перед собой и объявили о нашем предназначении, и вот мы здесь, готовые посвятить свои жизни Господу. И это здорово, думали мы. Лишь Том не выглядел счастливым.

Потом мы вернулись в нашу келью. Стесняясь один другого, переоделись в пижамы; в девять часов свет погас, но сквозь тонкие блеклые шторы к нам еще заглядывало солнце. Закинув руки за голову, я смотрел в потолок и думал, что вот началась моя новая жизнь. Готов ли я к ней? Да, мысленно ответил я. Ибо во мне была вера, иногда трудно постижимая. Но она была.

– У тебя есть братья и сестры? – спросил я, когда молчание стало тягостным.

– Девять душ, – со своей койки ответил Том.

– Много. Ты какой по счету?

– Последний. – Он будто поперхнулся. – Самый младший. Поэтому я должен стать священником. Две сестры уже монахини. А у вас в семье много детей?

– Только я и сестра. Еще был брат, но он умер.

– Ты рад, что ты здесь? – спросил Том.

– Конечно. У меня призвание.

– Кто тебе сказал?

– Мама.

– Она-то откуда знает?

– Однажды она смотрела «Программу для полуночников» и ей было Богоявление.

Я услышал какой-то звук – то ли фыркание, то ли сдавленный смех.

– Господи Иисусе, – сказал Том, и я прям вытаращился. Как-то на уроке географии один парень так сказанул и схлопотал ремня – десять ударов по каждой руке. Больше он так не говорил. – Мудня какая-то.

– Не бойся, – наконец ответил я. – Тут хорошо. Наверняка.

– Чего ты заладил? Кого ты хочешь убедить, меня или себя?

– Просто хочу помочь.

– Похоже, ты большой оптимист, да?

– Думаешь, тебе здесь не понравится?

– Нет, – резко сказал он. – Я тут чужой. Мне здесь делать нечего.

– Тогда зачем приехал?

– Потому что здесь безопаснее, – после долгого молчания проговорил Том.

Больше он ничего не сказал. Мы отвернулись каждый к своей стенке, но от возбуждения и мыслей я еще с час не мог уснуть и потом вдруг услышал, что Том плачет, уткнувшись в подушку; я хотел подсесть к нему и успокоить, сказать, что все будет хорошо, однако не решился.

– Ну что, договорились? – спросил архиепископ Кордингтон. – Попробуешь?

Я покорно вздохнул:

– Коль вы этого желаете...

– Молодец. – Архиепископ положил тяжелую руку мне на колено. – Помни, это не навечно, и не тревожься. Всего несколько лет. А потом я верну тебя в твою школу, обещаю.

– Правда? – обнадежился я.

– Слово чести, – улыбнулся архиепископ. – Может, получится скорее. Как только все рассосется.

– Я не понял. Рассосется – что?

Архиепископ замялся.

– Вся эта проблема с заявками. Новые кадры появятся скоро, к бабке не ходи. И тогда ты вернешься в Теренур. Окажи мне услугу, Одран, пригляди за этим приходом, а там не успеешь оглянуться, как будешь на прежнем месте. Ну ладно. – Он тяжело встал. – Вынужден тебя прогнать, если только не хочешь послушать жалобы восьми монахинь на плачевное состояние удобств.

– Нет, спасибо, – рассмеялся я.

– Благодарю Тома Кардла. – Архиепископ прошел к столу. – Это все он. Да, кстати, как твоя сестра? – Вопрос его остановил меня в дверях. – Ты говорил, она хворает.

– Уже давно. Мы делали что могли, но, видимо, придется определить ее в лечебницу. Там ей обеспечат уход.

– Прости за вопрос, а что с ней такое?

– Ранняя деменция. Мы наняли сиделку, однако она уже не справляется. Иногда сестра меня узнает. Бывает – и нет.

– Может, и к лучшему, что она не знает о сыне, – проворчал архиепископ. – Обо всей этой его матерщине. Кажется, он тоже с приветом? Где-то я об этом читал.

Я опешил, словно он вдруг плюнул мне в лицо, но архиепископ на меня не смотрел и, похоже, не ждал ответа; он рылся в бумагах на столе, готовясь к приему следующих посетителей. Я молча вышел, прикрыв за собой дверь, в коридоре я встретил восемь монахинь, которые расступились, словно Черное море, и приветствовали меня идеально слаженным хором:

– Доброго дня, отче.

Вот так вот. Никаких вестей от архиепископа больше не было, но о чем еще говорить, если решение принято. Мне оставалось лишь собрать манатки, невзирая на то что из-под меня выдернули четверть века моей жизни.

1964

Вначале нас было трое, потом стало четверо, затем пятеро, а потом вдруг опять трое.

Три года я был у папы с мамой единственным ребенком, но в силу своего малолетства не мог оценить всей прелести этого положения. По всем меркам, я был милый дитя: беспрекословно засыпал и ел, что давали. В детстве у меня что-то случилось с глазами, и родители, испугавшись, что я ослепну, повели меня к окулисту в больнице на Холлс-стрит, но все прошло само собой без всяких последствий.

В 1958 году появилась Ханна – мяукающее существо, которое временами орало благим матом, провоцируя ссоры между родителями: мама кричала, что у нее уже нет сил, а папа смывался в пивную. Малышка отказывалась от еды, тогда ее тоже показали врачу, и тот сказал, что ребенок должен есть, иначе погибнет.

– А то я этого не понимаю, – ответила мама, озираясь с видом человека, уразумевшего, что здесь ему помощи не дожидаться. Из угла я наблюдал, как в ней растет досада. – Я вам не полная идиотка.

– А вы не пробовали ее умаслить, миссис Йейтс? – спросил врач.

– Это как?

– Моя жена частенько умасливала наших детей, чтоб поели. Этот способ творит чудеса.

– Будьте любезны, растолкуйте смысл слова «умаслить». И расскажите, как это действует.

Врач улыбнулся:

– «Умаслить» означает убедить человека сделать то, к чему он не расположен.

– Девочке семь месяцев, – сказала мама. – Я не уверена, что она поддастся силе моего убеждения. Пока что не поддавалась.

– Старайтесь, миссис Йейтс. – Врач раскинул руки, словно раскрывая тайны вселенной. – Старайтесь. Хорошая мать не оставит попыток до полного успеха.

От этих слов мама тихо взбеленилась, но смолчала, запуганная трехкомнатными апартаментами в доме на Дартмут-сквер, медной табличкой на входе и гонораром в сорок пенсов за визит. Как и в случае с моей слепотой, со временем проблема с кормежкой сама собой уладилась; наверное, Ханна наконец-то хорошенько проголодалась, ибо начала послушно есть, и в доме вновь воцарился мир.

Я полюбил девочку сразу и только с ее появлением понял, как сильно мечтал о младшей сестре или братце. Когда я входил в комнату, Ханна переставала плакать и, медленно поворачивая голову, следила за всяким моим движением, убежденная, что если отвернется, то пропустит нечто важное. Она хныкала, когда я уходил, и хлопала в ладоши, вновь меня увидев.

Конечно, мама не работала, никто бы ей не позволил. До замужества она служила стюардессой в «Аэр Лингус», что в то время было вроде статуса кинозвезды, и позже любила рассказывать о встречах с шикарными личностями. Однажды на рейсе Брюссель – Дублин она подавала ланч Рите Хейворт, в другой раз помогла застегнуть барахливший ремень Дэвиду Нивену, летевшему из Лондона на премьеру фильма.

– Мисс Хейворт была красавица, – рассказывала мама. – Такие длинные рыжие волосы. Очень вежливая. Все поигрывала черным мундштуком и никому не отказывала в автографе. Всю дорогу читала – то журнал «Лук», то киносценарий. На ланч подавали мясо или курицу, она выбрала курицу. А мистер Нивен был одет с иголочки, я в жизни не видела таких костюмов, и, как все артисты, все повторял: «Кошмарно, кошмарно». Такой непоседа, все мотался по салону. И пил в три горла.

Потом маме пришлось бросить работу, поскольку в те годы «Аэр Лингус» не нанимала замужних женщин. Мамина мать, которую я никогда не видел, говорила, что только сумасшедшая жертвует высшим обществом ради двухквартирного домишки в Чёрчтауне, но мама отвечала, что именно этого и

хотела, да в те времена это был удел всех женщин: школа, работа, замужество, увольнение, семейные хлопоты.

– Самой потрясающей была встреча с принцессой Маргарет в Хитроу, – рассказывала мама. – Она шла по аэропорту и хлопками в ладоши разгоняла толпу. С первого взгляда было ясно, что это самый невоспитанный человек на свете, ни капельки шика. Но, как ни крути, она принцесса, и мне казалось, будто я умерла и очутилась в раю. Так жалко, что при себе не было фотоаппарата.

С моим отцом она познакомилась в танцзале на Парнелл-сквер, куда тот пришел с парой друзей. Он был в своем лучшем твидовом костюме в черно-белую полоску, а его густая темная шевелюра – набриолиненные волосы зачесаны назад – напоминала борозды свежевспаханного поля. Из рта у него свисала сигарета, будто приклеенная к нижней губе, столбик пепла все рос, но не падал – отец всегда успевал стряхнуть его в пепельницу. Они с мамой одновременно углядели друг друга, и отец тотчас направился к ней, на полуслове оборвав разговор с приятелями.

– Ты танцуешь? – спросил он.

– А ты приглашаешь? – последовал традиционный ответ.

– Приглашаю.

– Тогда, пожалуй, я танцую.

И едва они начали танец, как мама поняла, что сорвала джекпот, ибо заполучила партнера, у которого ноги росли откуда надо. Кавалер не шаркал, не спотыкался, не вспоминал, какой рукой взяться за талию дамы. Он уверенно вел партнершу, которая и сама была не из последних танцоров, и впечатленная публика следила за красивой парой. Мужчины перебрасывались замечаниями о классной штучке в объятиях Билли Йейтса, а женщины неодобрительно хмурились: мог бы выбросить сигарету, что за бескультурье?

– Как тебя кличут? – спросил отец.

– С утра звали Глория Купер. А тебя?

– Уильям Йейтс.

– Как поэта?

– Иначе пишется.

Мама рассказывала, что сразу же мысленно прикинула: Глория Йейтс. Звучит неплохо, решила она.

– Мы раньше не встречались, Глория Купер?

– Думаешь, ты смог бы меня забыть?

– Уела. А чем ты занимаешься, когда не танцуешь?

– Я стюардесса в «Аэр Лингус».

Отец помолчал и сделал пируэт. Он был сражен.

– Вон как, стюардесса?

Обычно его партнерши оказывались кондитершами или студентками педучилища. Одна девица сказала, что собирается в монастырь, и отец выронил сигарету изо рта. Другая ответила, что от его вопросов веет нафталином, и он, процедив: «А, ну пока», бросил ее посреди «Ответь мне» в проникновенном исполнении Фрэнки Лэйна.

– И как ты заполучила такую работу?

– Подала заявление.

– Лихо.

– А ты чем занимаешься?

– Я актер.

- Где тебя можно увидеть?
- Ты смотрела «Отныне и во веки веков»?
- Фильм?
- Ну да.
- Конечно. Он шел в «Адельфи».
- Так вот в нем я не снимался.

Мама рассмеялась:

- А где ты снимался?
- Пока нигде. Но когда-нибудь снимусь.
- Ну а сейчас-то где работаешь, Берт Ланкастер?
- Кладовщик табачного склада «Плэйерс» на Торговом причале.
- Значит, сигареты получаешь бесплатно?
- Со скидкой.
- Ты остряк.
- А иначе нельзя.

Об их первой встрече мама больше ничего не рассказывала, только добавляла, что отец испросил разрешения заглянуть к ней в следующий вторник, и она не без гордости ответила, что дома будет не раньше семи, поскольку рейс из Чампино прибывает в пять; отец улыбнулся, потом рассмеялся и покачал головой, словно гадая, стоит ли вообще ввязываться в эту историю.

Через полгода они сговорились о свадьбе и вскоре обвенчались в церкви Благословенного Таинства на Бэчелорз-Уок, фуршетом отметили событие в отеле «Сентрал» на Эксчекер-стрит, затем взяли такси и рванули в аэропорт к парижскому рейсу. В самолете, рассказывала мама, она увидела, как две знакомые стюардессы вводят новенькую в курс дела, и ее охватила печаль, словно пришло понимание, что, возможно, она совершила непоправимую ошибку.

– Ты скучала по небу? – как-то спросил я маму, которая с тех пор не покидала Ирландию и лишь однажды в семьдесят восьмом вместе с Ханной слетала ко мне в Рим.

– Конечно, скучала, – огорченно поежилась мама. – Но я поняла, чего лишилась, когда уже ничего не изменишь. Так оно всегда и бывает, правда?

Маленький Катал появился через полтора года после Ханны. Мне уже стукнуло четыре, и по поведению родителей я смекнул, что братец стал не вполне желанным сюрпризом. Надо было выплачивать ипотеку, а работа на табачной фабрике не сулила золотых гор. Однако пару лет мы впятером кое-как перебивались, пока отец не решил бросить фабрику и добиться успеха на актерском поприще.

Никто не ведает, откуда в нем взялась тяга к лицедейству. Своих бабушек и дедушек я толком не знал, поскольку все они умерли, когда мне еще не исполнилось и пяти, но доподлинно известно, что папина мать была рьяным организатором фестивалей классической музыки, и, возможно, именно это привлекло его к огням рампы. В детстве он раз-другой пел в хоре на рождественских представлениях в театре «Гейти»[6 - Один из четырех самых известных театров Ирландии, славится своими музыкальными и оперными постановками.], позже стал ходить в драмкружок в Ратмайнсе, и театральная зараза в нем еще больше окрепла. Не уведомив маму, отец уволился с табачной фабрики. «С великой радостью я швырнул заявление мистеру Бенджамину, – сказал он. – Мне всегда претило горбатиться на еврея». Теперь отец ходил на все подряд прослушивания и подрабатывал в дандрамском пабе, что мама сочла ужасным понижением. Одно дело укладывать сигаретные блоки в ящики и грузить их на поддоны, которые потом развезут по газетным и табачным киоскам, и совсем другое – трижды в неделю разносить пинты «харпа» и «гиннеса» посетителям «Орлиного гнезда».

– Мне бы только заполучить приличную роль, – говорил отец, величественным жестом принцессы Маргарет отметаив мамины жалобы на нехватку денег. – И тогда уж мы заживем.

А потом случилось нечто знаменательное. Отца утвердили на роль молодого Кови в пьесе «Плуг и звезды», постановка Театра Аббатства[7 - «Плуг и звезды» – пьеса Шона О’Кейси (1880–1964), драматурга, классика ирландской литературы; начав с сатирических пацифистских комедий, затем он переключился на мистические морализаторские драмы, а в конце жизни создавал фантасмагорические комедии. Театр Аббатства – первый национальный театр Ирландии, до него театры в Ирландии были плотью от плоти английской театральной системы. Театр Аббатства, формально основанный в 1904 г., был частью ирландского Возрождения, начавшегося в конце XIX века.], спектакли которого в то время шли на сцене Национального театра на Пёрс-стрит, поскольку пожар уничтожил его собственное здание. На прослушивании были Мак Дирмада[8 - Мак Дирмада (1907–1978, более известен как Фрэнк Дермоди) – ирландский режиссер, служивший в Театре Аббатства несколько десятков лет, с 1938 по 1973 г.] и лично Шон О’Кейси; видимо, отец показался хорошо, ибо ему предложили стать дублером Иншина О’Дувана[9 - Иншин О’Дуван (Uinsionn O’Dubhlainn, 1929–2013) – ирландский актер и режиссер, известен под английской вариацией своего ирландского имени – Винсент Даулинг; театральную карьеру он начал в дублинском Театре Аббатства, затем перебрался в Англию, а позже в США, вся его жизнь связана с творчеством Шекспира.], тогдашнего любимца публики. Предложение вызвало в отце двойные чувства: прекрасно, что талант его оценен, но гадко быть на подхвате у никчемного актеришки. Однако удача вновь ему улыбнулась: лондонский «Олд Вик» предложил О’Дувану роль Лаэрта, и тот смылся, даже не попрощавшись, а у Мака Дирмады не осталось иного выбора, как перевести отца из дублеров в основной состав. О’Кейси вроде как сомневался, но все равно не было никого другого, кто в столь короткий срок освоил бы роль.

– Вот оно! – известил нас отец, радостно потирая руки. – И это лишь начало. На таких классных ролях делают карьеру. Я еще окажусь в лондонских театрах. А то и на Бродвее.

– Тоже мне Лоуренс Оливье выискался, – сказала мама, раскладывая по тарелкам рыбу с картошкой, ибо мясо нам было не по карману.

– Не выступала бы! – Отцовский восторг не снижал. – Поглядим, что ты запоешь, когда станешь женой самого знаменитого ирландского актера.

Главные роли Джека и Норы Клитроу получили Онъ О’Сулеванъ и Катлин Ни Вяранъ[10 - Онъ О’Сулеванъ (Eoin O’Suilleabhain) – ирландский актер и писатель, более известный под своим англоязычным именем Оуэн О’Салливан. Катлин Ни Вяранъ (Caitlín Ní Bhearaín), она же Кэтлин Бэррингтон, – ирландская актриса, много играла в Театре Аббатства.], и теперь мы беспрестанно слышали: Оуэн – то, Кэтлин – се, а от отца разило спиртным, когда он возвращался домой и выступал перед публикой, с каждым днем все больше терявшей интерес к его рассказам о закулисной жизни.

– А что, пьянка неотъемлема от подготовки роли? – однажды спросила мама.

– Тебе не понять, Глория, – сказал отец. – После репетиции всегда надо заглянуть в пивную, выпустить излишек сценической энергии. Все актеры так поступают.

– Так поступают пьяницы, – возразила мама. – А у тебя семья.

– Ох, замолчи, женщина.

– Не замолчу. Хочешь, чтобы я вернулась в «Аэр Лингус», что ли?

– Да кто тебя туда возьмет? – засмеялся отец.

– Одинокую женщину возьмут. А я скажу, что ты меня бросил.

Отец всерьез перепугался и пригрозил позвонить приходскому священнику; ты блефуешь, сказала мама, сама блефуешь, ответил папаша, и уже к вечеру в нашей гостиной возник отец Хотон, невероятно угрюмый человек с лицом истукана острова Пасхи, а мы – я, Ханна и Катал – подслушивали под дверью, представляя, как мама с папой сидят рядышком, вконец обескураженные таким оборотом событий.

– Ты не считаешься с потребностями мужа, Глория? – еле слышно спросил отец Хотон. – Жизнь его круто изменилась. Мало кому выпадает шанс просто

побывать в Национальном театре, не говоря уж о том, чтобы выйти на его подмости.

– Я не против актерства, отче, но против пьянки, – сказала мама. – У нас очень мало денег, и тратить их на выпивку, когда в семье пять ртов...

– Пожалуйста, тише, Глория, – перебил отец Хотон. – Я человек терпеливый, но не выношу женского ора.

Мама смолкла и потом уже говорила как побитая.

– Уильям, ты постарайся приходить домой пораньше, правда? – спросил священник.

– Конечно, отче. Я постараюсь. Обещать не могу, но постараюсь.

– Я не требую обещаний, твое желание постараться само по себе ценно. А ты, Глория, не будешь так наседать на мужа, верно?

– Я постараюсь.

– Нет, обещаю.

– Обещаю, отче.

– Вот умница. К сварливой жене мужчину не тянет. Сохраняй нрав веселым, ужин разогретым, и тогда не будет неприятностей в сем доме, да благословит Господь всех его обитателей.

Какое-то время так оно и шло. Отец получил вольную делать что ему заблагорассудится, и маме оставалось лишь с этим мириться. К чести отца, сперва он весьма старался помогать по дому, однако регулярные выпивки не прекратились, а его похвальба знакомством со знаменитостями стала беспардонной.

Наверное, я был слишком мал, чтобы оценить спектакль, – мне сравнялось всего девять лет, – но мама взяла меня на премьеру «Плуга и звезд», оставив Ханну и

Катала на попечение соседки, миссис Рэтли, и я, невзирая на свой юный возраст, мог бы непредвзято сказать, что отец играл хуже всех. Он не произносил, а выкрикивал свои реплики и часто уходил вглубь сцены, разворачивая партнеров спиной к публике. В начале третьего акта, когда Кови и дядя Питер приносят весть о восстании, а Бесси Бёргес предсказывает разгром бунтовщиков у здания главпочтамта, отец забыл текст. Я точно помню, что в разгар спора Кови с Флутером он, углядев меня в четвертом ряду, подмигнул мне, и его партнеру Филиппу О'Флинну пришлось повторить свою реплику и как-то спасти эту сцену.

Когда наконец дали занавес и актеры один за другим вышли на поклон, отцу похлопали, мягко говоря, вяло, а с галерки его даже освистали. На банкете О'Кейси сторонился отца, и тот заявил, что у драматурга свинское воспитание. Однако наутро рецензент «Ивнинг пресс» изрубил отца в мелкий фарш, присовокупив, что если когда-нибудь еще раз увидит подобную постановку на сцене Национального театра, он сожжет это здание. Через день-другой Дирмада снял отца с роли, но этим беды не закончились, а только усугубились, ибо половину следующего спектакля отец провел в «Оленьей голове», где чередовал пинты «гиннесса» со стаканами виски, а потом зашагал на Пёрс-стрит, через служебный вход проник в театр и в середине третьего акта, в стельку пьяный, в повседневной одежде, выперся на сцену и съездил по морде новому исполнителю своей роли. Постановка обрела фарсовые черты, когда миссис Гоган и ее чахоточная дочь Моллсер разнимали двух юных Кови, на авансцене устроивших драку, а зрители скребли в затылках – может, новый эпизод добавлен для пущей комичности?

Что там сказал поэт Йейтс о беспорядках, сопровождавших первую постановку пьесы более тридцати лет назад? И вновь вы опозорились! Что-то в этом роде. Правда, адресовалось это не исполнителям, а публике. Конечно, поэт не мог и представить, что такое возможно сказать актерам. Не знаю, какие мысли одолевали О'Кейси, но, думаю, малоприятные.

С тех пор отец больше никогда не выходил на сцену. Протрезвев, он пытался извиниться перед Дирмадой, но тот не захотел с ним встречаться. Отец поехал в дом О'Кейси на Северной окружной дороге, но его не приняли. Он написал покаянное письмо в «Ивнинг пресс», но ему ответили, что не станут подрывать репутацию газеты бреднями фигляра. Через неделю отец получил уведомление о пожизненном запрете появляться на подмостках Театра Аббатства. Стараясь обо всем забыть, он было сунулся на прослушивания в другие дублинские

постановки, но продюсеры еще в дверях говорили ему, что скорее остынет ад, чем они рискнут взять человека с такой репутацией.

– Дело не в том, что ты пьяный вылез на сцену и черт-те что устроил, – без обиняков сказал один продюсер. – Это еще можно пережить. Но ты паршивый актер, и вообще непонятно, как ты очутился в театре. Сам-то сознаешь, что ты полная бездарь?

– Может, вернешься на табачную фабрику? – спросила мама, когда денег у нас почти не осталось. – Нужно одеть Одрана к первому причастию, у Ханны башмаки совсем износились, Катал из всего вырос.

– Все из-за тебя! – прорычал отец, прикладываясь к бутылке, – теперь он не ходил в пабы, а напивался дома.

– Я-то здесь при чем, Уильям Йейтс? – Мама еле сдерживалась.

– От тебя никакой поддержки.

– Это я тебя не поддерживала?

– Ну что ты за жена? Да уж, промахнулся я с выбором.

– Постыдился бы при детях. – Мама опешила от его бездонной злобы.

– А они мои? Сдается, я женат на шлюхе.

Мама в слезах убежала наверх, а мы, дети, расплакались на диване.

У всех соседей телевизоры были, а у нас нет – не разрешал отец. Он говорил, что в сериалах снимаются актеры, которых не взяли в театр и кино, и что скорее он сядет на пособие по безработице, чем пойдет на телевидение. Я знал, что это вранье: отец послал резюме для участия в мыльной опере «Улица Толка»[11 - Ирландская мыльная опера, которая шла пять раз в неделю с 1964 по 1968 г., действие развивается в нескольких домах, выстроившихся рядком в северной части Дублина. По сути, это клон знаменитого английского телесериала «Улица Коронации», который начал показываться на несколько лет раньше.], но ему

даже не ответили.

Когда его приперло окончательно, то есть не осталось денег на выпивку и еду, отец пошел на поклон к мистеру Бенджамину, и тот взял его на работу, но с жалованьем, как у начинающего подмастерья. Другие работники, с кем отец не так давно «тепло» распрощался, теперь, конечно, злорадствовали. Он им не отвечал, просто ушел в себя, канул в нечто кошмарное.

И вот в конце лета 1964 года нас стало не пятеро, а трое.

Отец по-прежнему сильно пил, и мама беспрестанно с ним ругалась – какой смысл зарабатывать, если все деньги оседают в кассе паба Дейви Бирна или пропиваются в облицованном мозаикой баре Муллигана на Пулбег-стрит? Мама, спору нет, была резка, но отец даже не защищался. Наверное, в нем иссякли силы.

А потом мама устроила нам Большой сюрприз – недельный отдых в поселке Блэкутер, графство Уэксфорд, оплаченный ею из специально прибереженных денег. Мы сняли домик у миссис Харди, вдовы, которая вместе с сыном, странным парнем, изъяснявшимся загадками (теперь-то я понимаю, что он, видимо, был слегка тронутый), и тремя спаниелями, один брехливее другого, обитала в соседнем домишке.

Ханна, Катал и я не верили своему счастью, когда на вокзале Коннолли сели в поезд и тот через Брей, Глендалох, Арклоу, Гори и Эннискортти привез нас в Уэксфорд, где мы впятером втиснулись в двуколку, загруженную нашими чемоданами, и покатали к нашему сказочному отпускному дому. Помнится, жилье было самое заурядное, но мы захлебнулись радостью, увидев собак, с которыми можно наперегонки гонять на просторах полей, и кур, которых по утрам можно кормить на заднем дворе миссис Харди.

– А собаки не охотятся за курами? – однажды спросил я хозяйку.

– Они знают, что им за это будет, – покачала головой миссис Харди.

Я сразу ей поверил, поскольку уже убедился в ее крутом нраве.

В доме мама с папой заняли комнату поменьше, где стояла двуспальная кровать, а мы втроем разместились в большой комнате с двумя койками у стен – Ханна спала одна, а я вместе с Каталом. Было тесновато, но весело, мы хихикали и брыкались. Мне казалось, что я на вершине счастья.

Днем мы гуляли в полях или брали извозчика и ехали в Куртаун, где на ярмарке катались в электрокарах, съезжали с винтовой горки и скармливали монеты «одноруким бандитам». Я пристрастился к комиксам и прямо разрывался между специальными летними выпусками «Бино» про Дэнниса-мучителя и ребят с Бэш-стрит и «Бизером» про Банановую кодлу и Полковника Моргалло. Мы ели сахарную вату и покупали надувные игрушки. Один раз отец повел меня в местный кинотеатр на «Дракулу», но, едва увидев вампира, я завизжал как резаный, опрокинул коробку с попкорном и успокоился только на солнечной улице. Иной раз мы устраивали пикник на пляже Карраклоу, до посинения плескались в море, строили замки и крепостные рвы из песка, потом хрустевшего на бутербродах с сыром и луком, которые мы запивали теплой баночной фантой и «сидоной»[12 - Популярная в Ирландии яблочная газировка.], и чувствовали себя богами, сошедшими с небес.

Может быть, на том пляже я встречал Тома Кардла? Туда приходили семьями, а его ферма стояла неподалеку от дюн, через которые мы перебирались ради первого взгляда на синюю воду, искрившуюся всеми цветами радуги. Может, там был и он, последыш, чья судьба уже при его рождении была написана на обложке Библии, он, кто не изведal любви к иному человеческому существу? Может быть, мы перебрасывались шутками, когда в компании местных мальчишек я гонял мяч по пляжу? Возможно ли, что в прошлом мы были равно чисты? Возможно. Конечно, возможно. Но разве теперь это важно? Все смыто приливами.

Ссора, разрушившая мою семью, произошла в наш пятый вечер в Уэксфорде. Мы с Ханной пытались научить Катала играть в лудо[13 - Настольная игра, в которой нужно переставлять фишки по бумажному полю на выпавшее число ячеек.], но братец учиться не желал, а хотел побегать со спаниелем миссис Харди, заглянувшим к нам на огонек, и тут мама бросила безобидную реплику, мол, она всегда мечтала о таком отдыхе, и еще добавила:

– Надо так отдыхать каждый год.

– Отдых стоит денег, – сказал отец.

– Как и выпивка.

– Закрой хайло, сука драная.

Мы обомлели. Злобы в отце накопилось изрядно, но он как-то исхитрился не выпускать ее наружу, и даже когда это не вполне удавалось, то не сквернословил. Не сказать, что отец позволял о себя вытирать ноги, но всякий раз, как мама начинала его пилить, он просто замыкался, порой надолго. Сейчас-то я понимаю, что отец пал жертвой депрессии. Не о такой жизни он мечтал.

Шпильки, которыми обменивались мать и отец, трудно повторить и еще труднее забыть. Мама беспощадно, слово в слово, процитировала рецензента, угрожавшего поджечь театр, если Уильям Йейтс еще раз появится на сцене. Да что ты понимаешь в искусстве, парировал отец, ты, никчемная выскочка, ухватившаяся за свой шанс.

– Что?! – взревела мама. – Я свой шанс проморгала! Сейчас работала бы на трансатлантических линиях! А то и управляла бы «Аэр Лингус»! И не была бы твоей подстилкой!

– Я желал малого! – проорал отец. Жгучая злоба его перекипела в горькую жалость к себе и потребность найти виноватого. Скорчившись на стуле, он закрыл руками измазанное соплями лицо. Видя его муку, я и маленький Катал заплакали, а Ханна побледнела и застыла, прикусив кончик языка. – А ты меня обобрала. – Он оглядел нас: – Все вы меня обобрали.

– Мы у тебя не взяли ничего! – выкрикнула мама. Терпение ее лопнуло. Она схватила тяжелую кастрюлю и бешено грохнула ею по столу, потом еще и еще раз; спасаясь от жуткого шума, Катал зажал руками уши, Ханна опрометью вылетела из комнаты. – Ничего! Ты жалкий неудачник! – взвизгнула мама. – Паршивый человек, никудышный муж и отец! Мы ничего не взяли!

– Ты отняла у меня самое любимое! – завопил отец, взад-вперед раскачиваясь. – Единственное, что я любил. А если с тобой так поступить? Понравится тебе?

– Да забирай! – гаркнула мама и, шваркнув кастрюлю на пол, ринулась к двери. – Забирай все, Уильям Йейтс! На кой оно мне сдалось!

В ту ночь Катал спал с мамой, а отец улегся вместе со мной, но теперь никто уже не хихикал и не брыкался босыми ногами. Я лежал натянутый как струна, а потом вдруг услышал нечто, меня взбаламутившее и напугавшее: мой отец, взрослый мужчина, что-то бессвязно бормотал и плакал в подушку. Пройдут годы, и в свою первую ночь в Клонлиффской семинарии я услышу точно такие же звуки, доносящиеся с койки Тома Кардла.

Не помню, в котором часу я проснулся, но уже вовсю светило солнце, а в гостиной отец, пребывавший в удивительно лучезарном настроении, наливал в мои любимые красные прозрачные кружки горячий шоколад, который у нас считался лакомством и подавался лишь по праздникам; мама уединилась в саду. Сидя в шезлонге, она демонстративно читала «Сельских девушек» Эдны О'Брайен, ибо знала, что портрет красивой женщины на задней обложке доводит отца до белого каления. Он говорил, что писаку эту давно надо прищучить за грязный треп.

– Привет, сынок! – Отец ухмылялся, словно накануне ничего не произошло. – Выспался?

– Не особенно.

– Что, нечистая совесть замучила?

Я на него уставился, не зная, что ответить.

– Я собираюсь поплавать, – сказал отец. – Пошли вместе?

– Чего-то не хочется.

– Да ладно тебе, – наседал отец. – Вдвоем-то, знаешь, как здорово.

Я помотал головой и сослался на усталость. По правде, после вчерашних событий мне вовсе не хотелось тащиться на пляж и лезть в холодную воду. Перед глазами еще маячил отец, который, туда-сюда раскачиваясь, обвинял нас в своих неудачах, а в ушах стоял грохот маминой кастрюли о стол. Я не желал общаться с родителями.

– Точно не пойдешь? – Отец обнял меня за плечи. – Гляди, второй раз не позвоу.

– Точно, – сказал я.

Отец, похоже, слегка расстроился и повернулся к моему четырехлетнему брату, игравшему в уголке:

– Тогда придется тебе, Катал. Иди надень плавки.

Словно пес, всегда готовый к прогулке, братишка оставил игру и побежал переодеваться в ванную, откуда появился с ведерком и лопаткой.

– Это не понадобится. – Отец забрал у него игрушки и отставил их в сторону. – Мы просто поплаваем. Вдвоем. Играть не будем.

Через минуту они ушли; Ханна еще не встала, и я один смотрел, как они шагают по тропинке, сворачивают к пляжу и скрываются за деревьями, но вскоре отвлекся на ослика, совершавшего утренний променад по лугу, и задумался, не сочтет ли он меня лучшим мальчиком на свете, если удастся раздобыть пару кусков сахара, а то и яблоко ему на завтрак.

Помнится, часа через два к дому подъехал полицейский, уроженец, судя по выговору, графства Мейо. Та к уж заведено: из родных мест полицейских направляют в другие графства, где они не знают тех, кого надо арестовать или огоршить дурной вестью. Я слонялся по палисаду, мама в кухне готовила обед, но, увидев полицейскую машину, вышла на крыльцо.

– Ступай в дом, Одран, – сказала она, комкая посудное полотенце. Я не шелохнулся, однако повторного приказа не последовало. – Заблудились, командир? – Мама широко улыбнулась, как будто удачно пошутила.

– Да нет. – Полицейский пожал плечами и огляделся с таким видом, словно предпочел бы оказаться в любом другом месте, только не здесь. Мне показалось, он похож на Джона Уэйна. – Погода, однако, славная.

– Прелестная, – согласилась мама. – Как думаете, дождя не будет?

– Да кто ж его знает. – Полицейский глянул на меня и поморщился, отчего лоб его избороздили глубокие морщины.

– Не пойму, что за выговор у вас. Откуда вы родом? – спросила мама, и даже мне, мальчишке, этот разговор показался странным. Полиция не заявляется ради светской беседы. А то ей больше делать нечего.

– Уэстпорт, – ответил полицейский.

– Я знала одну девушку из Уэстпорта. Мы вместе работали в «Аэр Лингус». Она боялась высоты и никогда не смотрела в иллюминатор. Я все гадала, зачем она вообще пошла в стюардессы.

Полицейский рассмеялся, но, смутившись, сделал вид, что закашлялся.

– Вы миссис Йейтс? – спросил он.

– Да.

– Может, войдем в дом и присядем?

Мама надолго закрыла глаза. Даже сейчас я думаю, что прошло не меньше полуминуты, прежде чем она вновь взглянула на полицейского, открыла дверь и провела его в дом. Я готов поклясться, что за эти тридцать секунд она постарела на десять лет.

Вот что известно: на пляже какое-то семейство – мать, отец и двое близнецов – устанавливало тент от ветра и заметило мужчину с мальчиком, весело плескавшихся в волнах. Негоже такому малышу заплывать в такую даль, сказала мамаша, но муж ее смекнул, что дело неладно, и бросился на помощь. Неважный пловец, вскоре он обессилел, однако ему показалось, что мужчина топит ребенка – раз за разом насильно удерживает под водой, не давая глотнуть воздуха. Когда мальчик больше не всплыл, мужчина погреб в открытое море и пропал из виду. Тело ребенка – лицо в воде, руки раскинуты – прибило к берегу. Глава семейства вытащил его на песок, но было уже поздно. Маленький Катал утонул, а часа через два прилив вынес на берег и тело Уильяма Йейтса. На пляже собралась половина местных полицейских, из Уэксфорда примчалась

«скорая помощь», но ей оставалось лишь доставить трупы в больничный морг Куртауна, где на улицах, залитых полуденным солнцем, по-прежнему торговали сахарной ватой и сталкивались электрокары, выписать свидетельства о смерти и связаться с похоронным бюро.

А вот что непонятно: что же там произошло? Отец свел счеты с жизнью? Охваченный депрессией изгой, на табачной фабрике он упаковывал сигареты, хотя мечтал на сцене Театра Аббатства сокрушаться о бедном Йорике или в Королевском театре на Друри-лейн обучать красноречию Элизу Дулитл? Значит, это было самоубийство? Да, теперь я в этом уверен. Вместе с тем произошло убийство? И на этот вопрос ответ – да. Но почему он решил с собой забрать своего ребенка? Сперва он сманивал меня, но я отказался, и тогда он взял маленького Катала. Но зачем? Какой в этом смысл? Что толку? Разве это стерло бы отзыв рецензента «Ивнинг пресс» или открыло двери в дом Шона О’Кейси на Северной окружной дороге? Превратило бы Кэтлин Бэррингтон и Элизабет Тейлор в сценических партнерш?

За прошедшие годы я размышлял об этом бессчетно и вот к чему пришел: мой отец был не в себе, он был болен и никогда не удумал бы такое, будь жизнь к нему чуточку добрее. Что, если б у тебя забрали твое самое любимое? – в тот вечер спросил он маму. Лишь больной, человек не в своем уме способен такое задумать. Так говорю я себе, потому что при ином ответе передо мной разверзнется море боли, которое поглотит меня с той же легкостью, с какой Ирландское море поглотило моего младшего брата.

Несусветный мир, в котором страдают дети.

Я представляю, как маленький Катал барахтался, не доставая песчаного дна, как отцовские руки утягивали его под воду и он вскрикивал, считая это какой-то новой игрой. Испуганный, но послушный, он верил, что так и надо, а потом вдруг понял: происходит нечто странное, чего он не переживет, понял, что пришла его смерть и ему уже никогда не играть со спаниелями миссис Харди. Я представляю, как он пытался глотнуть воздуха, но в голове его помутилось, и вода хлынула ему в легкие. Говорят, утонуть – безболезненная смерть, но почему я должен этому верить, разве кто-нибудь из утопленников вернулся, чтобы поведать сию байку? Когда малыш обмяк и сдался, отец, наверное, опомнился и осознал весь ужас содеянного; теперь ему оставалось широкими взмахами поплыть к горизонту, он понимал, что вскоре силы его оставят, дыхание иссякнет, вода сомкнется над его головой и он наконец-то обретет хоть

кроху покоя.

Та к я думаю. Но знать не дано.

И вот вначале нас было трое, потом стало четверо, затем пятеро, а потом вдруг опять трое.

Мы вернулись в Дублин, теперь мама была не женой, но вдовой, которую потеря ребенка преобразила неузнаваемо. Она ударилась в религию, надеясь в Боге найти облегчение боли и утешение. Ежедневно перед школой она отводила меня и Ханну в церковь Доброго Пастыря, где прежде мы высиживали только короткую воскресную заутреню, и заставляла молиться за маленького Катала, но никогда за отца, чье имя после похорон не произнесла ни разу. Вечерами, когда по телику передавали молитву «Ангел Господень», она заставляла нас встать на колени и по четкам отчитать все пятьдесят молитв да еще «Богородица Дева, радуйся», что мы пытались исполнить без смеха, но не всегда, Господи, прости, успешно. Потом мать отвела меня к отцу Хотону и сказала, что я выразил желание стать церковным служкой, чего у меня не было и в мыслях, но я оглянуться не успел, как меня уже обмеряли для стихаря и сутаны. В нашем доме статуэтки Богоматери были повсюду. На стенах висели картинки «Святого сердца», которое я называл «Спитым сердцем», пока мать не надрала мне уши за богохульство. Наша соседка миссис Рэтли, ездившая в Лурд исцеляться, привезла нам святой воды в пластиковой бутылке в форме распятия, и мы с сестрой ежеутренне, а также перед сном должны были себя ею орошать и просить Бога, чтоб позаботился о маленьком Катале, пригрел и уберег, доколе не наступит час нашего благодатного воссоединения. Жилье наше, прежде вполне светское, превратилось в молельный дом, и однажды в мой день рождения, мне стукнуло десять, посреди ночи мать влетела в мою спальню, зажгла свет и, пробудив меня от сладких снов, изумленно уставилась мне в лицо, а потом объявила: только что ей было великое Богоявление, за которое все мы должны быть благодарны. Оно снизошло во время «Программы для полуночников», и мать, сорвавшись с места, помчалась ко мне, чтобы заглянуть в мои глаза, и вот теперь она поняла, что не ошиблась. Она видела знак на моем лице. Она его осязала, держа меня в объятиях.

– Я знаю твое предназначение, Одран, – известила мать. – Тебе предначертано стать священником.

И я подумал, что она, вероятно, знает, что говорит. Ведь меня так воспитали – верить всему, что сказано мамой.

Глава 4

1980

Я сразу увидел, что вагоны битком набиты, и сердце мое екнуло: неужто два с половиной часа придется стоять, покуда кружным путем через Килдэр и Атлон поезд доберется до Голуэйского вокзала?

Накануне я вернулся из Норвегии, куда ездил на свадьбу Ханны и Кристиана Рамсфйелда, и за неделю совершенно вымотался. Конечно, я мог бы уклониться от поездки через всю страну, но мне показалось, что снять телефонную трубку и выдумать отговорку потребует еще больших усилий, поэтому я уложил в чемодан свежую смену белья и, плохо выспавшись, утром приехал на станцию Хьюстон и сел в поезд, идущий на запад.

В Норвегию я ездил один, мама ехать категорически отказалась, поскольку Кристиан был не католиком, но, как большинство его соотечественников, лютеранином, то есть в маминых глазах почти сатанистом. Кроме того, мама рассчитывала, что дочь ее станет монахиней в аббатстве Лорето в Ратфарнеме, ибо ей тоже предназначена церковная жизнь. Ханна идею высмеяла, в доме начались свары, и когда не подействовало заклинание именем покойного Катала, стало ясно, что мамины старания успехом не увенчаются.

– Тебе мало бедняги Одрана? – выкрикнула Ханна, когда однажды я попытался примирить враждующую пару. – Он готов растоптать собственную жизнь, потому что боится тебе прекословить!

– Ну уж ты скажешь! – Меня задела ее слова. Ханна так никогда и не признала, что я в высшей степени соответствовал пути, по которому меня направила мама.

– Потаскуха ты, и больше никто! – гаркнула мама, не жалея ничьих ушей. – Перед любым готова растопыриться!

– А что, нельзя, что ли? – подбоченилась Ханна. – Чего ж добру пропадать? Меня не убудет.

– Ну хоть ты ее вразуми, Одран! – взмолилась мама, но что я мог сделать, если сестра уже заявила, что скорее умрет, чем станет монашкой, что отныне вообще не будет ходить в церковь и вместо воскресных заутрень станет ездить в кино.

Ханна и Кристиан познакомились в Ирландском банке на площади Колледж-грин, где сестра училась на кассира по обмену валюты и день-деньской переводила в доллары и фунты скудные сбережения молодых людей, надеявшихся, что удача им улыбнется за границей, где, по слухам, была работа, которой в Ирландии днем с огнем не сыщешь. В Тринити-колледже, расположенном на другой стороне площади, Кристиан изучал философию и ежедневно в обеденный перерыв обменивал пару сотен норвежских крон.

– Может, вам обменять всю сумму целиком? – на четвертый день спросила Ханна. – Ведь всякий раз вы платите комиссионные.

– Но тогда я лишусь возможности каждый день вас видеть, – улыбнулся Кристиан, и сестра потом рассказывала, что у нее закружилась голова, когда она поняла, что нравится этому симпатичному и уверенному светлоликому блондину, манера одеваться которого посрамила бы любого ирландского парня.

– Не подумай, что он таскает меня лишь в кафе «Паршивый осел», – говорила Ханна. – Мы ходим на спектакли и концерты, а на прошлой неделе он повел меня в Национальную галерею на выставку скандинавской живописи. Без дураков, Одран, он все знает про эти картины.

Они встречались с год, и вот однажды мама, стиснув зубы, пригласила их на ужин, однако где-то между долькой дыни, вишенкой на зубочистке и жареным барашком сцепилась с Ханной. Кристиан, спокойный и невозмутимый, не стал ввязываться в спор, чем еще сильнее озлобил маму, и она его больше не приглашала, но ему это было абсолютно никак. Тогда я жил в Риме, а потому в трапезе не участвовал, но, думаю, спор разгорелся из-за религии, как оно обычно и бывает в Ирландии.

На свадьбе в Лиллехаммере, родном городе Кристиана, что в паре часов к северу от Осло, была куча сердечных веселых Рамсфйелдов с именами, одно другого

непроизносимее. Минускулы и ангстремы, пересекающие или украшающие гласные, надвое делили «о» или венчали «а». Труднопроизносимые сочетания «дж» и «к» в моем исполнении всех смешили, хотя, на мой слух, я все выговаривал точно так же, как и те, кто меня поправлял. Отец Кристиана умер. Надо же такому случиться, он тоже утонул, правда, никого с собой не забрал, – несчастный случай на озере Мьёса, только и всего. Года за четыре до этого он фактически развелся с матерью Кристиана, и Беата Рамсфйелд вновь вышла замуж – за человека, которому светила Нобелевская премия по химии. Узнав о повторном браке, мама заявила, что женщина эта живет в грехе, ибо Господь не расторг ее союз с покойным мужем и она была не вправе совершать новое таинство венчания. Вопрос этот сложный, а я не желал дискутировать с мамой.

Ханна ничуть не расстроилась ее отсутствием, но я огорчился, поняв, каких прекрасных впечатлений она себя лишила: поездка с уморительным дядюшкой Кристиана и двумя юными кузенами, чудесная церковь посреди парка Сьондре, напоминающего мультфильмы Уолта Диснея, посещение музея под открытым небом Майхауген и пешие прогулки в окрестностях Лиллехаммера. Сестра, похоже, обрадовалась, что мамы не будет, а вот я жалел, что в одиночку провожу шесть восхитительных дней в этой удивительной и очаровательной стране, один угощаюсь бараньими ребрышками «пиннекьот», тушеной ягнятиной «форикол», коричневым сыром «брюнуст», которые на вкус несравнимо лучше, чем на слух, и все запиваю безмерными дозами «аквавита» и «мьида»[14 - «Аквавит» – крепкая настойка на травах, национальный напиток в Норвегии и Швеции, «мьид» – также национальный норвежский (и шведский) напиток, по сути, медовуха с добавлением хмеля, имбиря, яблок, трав и даже цитрусовых, но основой является мед; норвежское слово Mjød происходит от русского «мед».), от которых наутро раскалывается голова, абсолютно свободная от мыслей о новой жизни в сане священника.

Кристиан мне понравился сразу – умница, культурный. Он обожал горы, окружавшие его родной дом, и хотя до конца своих дней Кристиан жил в Дублине, они с Ханной намеревались рано или поздно уехать в Норвегию. Но планам этим было не суждено сбыться, ибо едва Кристиан отметил сорок второй день рожденья, как его вдруг скосила мозговая опухоль, а еще через год стал угасать рассудок Ханны. Но тогда, в 1980-м, они были чудесной парой, полной жизни и красоты, безумно влюбленными друг в друга; им было отпущено всего двадцать совместных лет, и это выглядит необъяснимой жестокостью того, кто вершит наши судьбы, – сущности, которую я называю Богом и которая по собственной прихоти разрушает наше счастье, однако требует безоглядной веры своей паствы.

И вот я снова был дома, вдали от вершин национального парка Рондане и Тропы Пер Гюнта; все еще переполненный восторгом, я решил на неделю отложить визит к озлобленной маме и пока что съездить на запад страны.

Я медленно прошел через шесть вагонов, но казалось, что в пятничный полдень все столичные студенты вознамерились на выходные покинуть город. В последнем вагоне я расстался с надеждой, покорно вздохнул и, закинув чемодан на багажную полку, встал в закутке возле дверей. Привалившись к стенке, я открыл роман, который вчера начал читать в аэропорту Осло, – о юноше, замыслившем выпустить на волю медведей венского зоопарка[15 - Дебютный роман «Свободу медведям» (1968) американского писателя Джона Ирвинга.]. За книгой воздушное путешествие пролетело незаметно; может быть, то же самое произойдет и с железнодорожной поездкой.

– Энтони! – В четырехместном отделении немолодая дама, волосы которой были собраны в старомодный пучок, окликнула мальчика, сидевшего напротив нее. – Иди ко мне на колени, пусть отче сядет.

– Не хочу. – Мальчишка засунул палец в нос.

Я мысленно взмолился, чтоб его оставили в покое.

– Ничего-ничего, – сказал я, покосившись на попутчиков. – Не страшно, если я немного постою. Наверное, после Килдэра или Таллмора станет посвободнее.

– Садитесь на мое место, отец! – из середины вагона крикнул человек, по возрасту годившийся мне в дедушки. Он встал и начал собирать свои пожитки: банановую кожуру и сегодняшнюю «Айриш индепендент», с первой страницы которой скалился премьер-министр Чарли Хоги, – его кривая ухмылка обещала, что вскоре он окончательно опустошит карманы ирландцев.

– Нет-нет, – поспешно сказал я и замахал руками. – Не надо. Прошу вас, сидите. Мне и здесь хорошо.

– Да чего там, садитесь, отче, – подала голос сильно беременная женщина у дверей.

– Я первая предложила место отцу! – на весь вагон гаркнула дама с пучком, словно я уже стал ее собственностью. – Энтони, сейчас же встань – или я с тобой поговорю по-другому. – Теперь в центре внимания оказался мальчишка – к нему повернулись головы всех пассажиров: мол, что это за несносный ребенок, который не уступает место священнику, и что это за мамаша, допускающая такое безобразие? – Он прекрасно посидит у меня на коленях, – тон дамы мгновенно утратил злобность и стал подобострастным, – нам ехать-то всего до Атлона.

– Право, не стоит, – отнекивался я, но мальчишка уже залез на мамашины колени, не оставив мне иного выбора, как занять освободившееся место. Багровый от всеобщего внимания, я хотел одного – схватить чемодан и через вагоны убежать в дальний конец поезда.

Я ехал в Голуэй повидать Тома Кардла. Мы не виделись с конца 1977 года, когда я отбыл в Рим. Из Италии я писал Тому длинные письма – рассказывал свои новости и выпрашивал сплетни о семинарии, где ему оставалось учиться еще год. «Как у тебя с итальянским?» – однажды поинтересовался он, и я тотчас ответил открыткой: «Прекрасно, тут я как рыба в воде». В письмах его сквозили грусть и скука – То м сокрушался, что последний год мы проведем порознь, и добавлял: дублинцам всегда достается все самое лучшее, они возглавляют все епархии и пекутся о земляках. Злобность его удивляла и ранила, я-то думал, он за меня порадовался, когда я попал в число избранных, кому оказали великую честь. Том писал, что его переселили в келью Барри Шэнда, легендарного пердуна, поскольку прежний сосед Барри, веселый парень О’Хай из графства Керри, бросил пятый курс и сбежал с девицей, снабдив нас прекрасной пищей для толков и пересудов.

Вскоре после возведения в сан То м сообщил, что его распределили в тот же приход, где он был на практике, – «богом забытую дыру у черта на куличках», как он выразился, – и даже через тысячу двести миль, разделявших нас, я слышал гадливость, с какой он цедил название графства Литрим.

Впрочем, у меня отлегло от сердца, когда через месяц-другой То м написал, что все не так уж плохо, что есть громадная разница между положением практиканта и викария, должность которого дает преимущества, о каких он даже не подозревал. Литрим – болото безбожья, где овцы гораздо интереснее людей, уверял Том и далее сообщал, что нашел себе новые увлечения – какие, не

уточнял – и теперь жизнь его выглядит не такой уж скверной. «А какой почет, Одран! – добавлял он. – Здесь мы как боги! Никакого сравнения с тем, как к нам относились последние семь лет».

Тон писем был оптимистичен, но не прошло и года, как Тома вдруг перевели в приход Голуэйской епархии, что для меня стало полной неожиданностью. Обычно новому священнику дают три-четыре года обжиться. А вот Тома переместили почти сразу.

Мы переписывались весь 1978-й, который у меня выдался хлопотным. Я поведал о пожалованной мне чести, Том выпрашивал подробности, но я не мог их сообщить, ибо покров секретности скрывал мой распорядок дня. А потом наступил сентябрь, и он писал, наверное, каждый день, желая узнать о том, чего не могли или не желали сообщать газеты, – верны ли слухи о заговоре?[16 - 26 августа 1978 года был избран новый глава Римско-католической церкви – папа Иоанн Павел I. На церемонию интронизации папы прибыл и представитель Русской православной церкви – митрополит Никодим, который скончался от инфаркта прямо во время приема у нового Папы Римского. А через 33 дня, 28 сентября 1978 г., внезапно умер и сам Иоанн Павел I. Католический мир был взбаламучен произошедшим, возникло сразу несколько теорий заговора, основания для которых имелись: новый понтифик, по сути, объявил войну ватиканской финансовой мафии, которая долгие годы заправляла денежными потоками католической церкви.] Мой друг не догадывался, что я в опале и так же далек от информации, как и он. Так продолжалось весь октябрь, ноябрь и вплоть до Рождества, когда в Ватикане все понемногу улеглось. «Том, я ничего не могу рассказать, – снова и снова отвечал я. – На устах моих печать».

Я прикидывался важной шишкой, хотя на самом деле вообще ничего не знал, ибо в ту роковую ночь, о которой говорил весь мир, не я ли покинул свой пост? Не я ли поддался самым низменным инстинктам? Не я ли себя опозорил, когда был унижен женщиной, даже имени которой никогда не узнаю, и бросил хорошего человека умирать в одиночестве?

Когда после римской эпопеи я вернулся в Ирландию, можно было возобновить наше общение живьем, и мы сговорились о нынешней встрече, которую я ждал с большим нетерпением. В Теренурском колледже я уже отработал пару месяцев и вроде как там прижился. С ребятами я ладил, и после моей крайне неудачной пробы себя в роли тренера по регби они весьма деликатно посоветовали: «Отче, может, вам заняться тем, что вы умеете?» В спортивном костюме я побрел в

библиотеку к тем ребятам, кому хватило духу признаться в своем равнодушии к спорту, и там почувствовал себя в своей тарелке. Место тренера занял преподававший счетоводство отец Майлз Донлан, и это, как выяснилось, было страшной ошибкой, за которую по сию пору расплачиваются колледж и невинные ребята.

О своей римской должности я не распространялся, однако слух все же просочился, и коллеги начали задавать вопросы, но я помалкивал, дабы не разжигать их страсть к пересудам. Однажды прямо посреди урока Гарри Маллиган, толковый парень, который уложил весь зрительный зал своим озорным исполнением роли Основы в рождественском спектакле «Сон в летнюю ночь», поднял руку:

– Отче, правда ли, что в ночь, когда умер папа, вы были рядом с ним?

Я так растерялся, что собственный ответ заставил меня улыбнуться, невзирая на серьезность вопроса:

– Чей папа?

– Вы священник? – спросил меня голосок, и я взглянул на своего соседа справа – хорошо одетого маленького мальчика, выглядевшего очень усталым.

– Да, – сказал я. – А ты?

Мальчик помотал головой, а я посмотрел на женщину и девочку, сидевших напротив; все понятно: мать и близняшки. Все трое друг на друга похожи.

– Помолчи, Эзра, – велела женщина.

– Ничего-ничего, – сказал я. – Наверное, его заинтересовало вот это. – Я постучал указательным пальцем по своему пасторскому воротничку, нынче казавшемуся туговатым; воротничок издал звук, словно кто-то легонько стукнул в деревянную дверь.

– Ему все интересно. – На столик, разделявший нас, женщина положила лицом вниз раскрытую книгу.

– Он еще маленький, – сказал я. – Сколько ему, семь?

– Нам обоим семь, – быстро ответила девочка.

– Неужели?

– Наши дни рождения двадцать пятого декабря.

– Надо же, как вы подгадали, – улыбнулся я. – Получаете парные подарки?

Не поняв моего вопроса, девочка нахмурилась, потом озадаченно посмотрела на мать.

– Вы читали, не будем вам мешать, – сказала женщина.

– Вы тоже читали. – Я взял ее книгу, глянул название, потом оторвал уголок газеты и использовал его как закладку. Женщина открыла рот, словно собираясь что-то сказать, и я уразумел всю бестактность своего поведения. Кто я такой, чтобы учить ее манерам? – Извините, – смутился я, но она отмахнулась – право, пустяки, и тут Эзра зевнул во весь рот. – Похоже, он устал.

– У нас был долгий перелет. Не терпится попасть домой.

– Куда ездили?

– Навестить маму и ее мужа.

Фраза показалась странной, но потом я смекнул: мать – вдова или разведена. Вновь вышла замуж, как Беата Рамсфйелд.

– Маму и ее мужа, – покивал я. – Приятная поездка?

– Долгая. Полтора месяца. Слишком долго.

– Позвольте узнать, где они живут?

Женщина чуть улыбнулась:

– В Иерусалиме.

– Прекрасный город.

– Бывали там? – спросила она, и мне послышался какой-то неуловимый иностранный акцент.

– Нет, – сказал я.

– Тогда откуда вы это знаете?

– Я слышал, что город очень красивый. Мои знакомые в нем жили. Надеюсь, и я когда-нибудь съезжу. – Разглядывая меня, женщина кивнула, и я вдруг забалаболил: – Я вообще мало где бывал. Только в Италии. И еще в Норвегии. Только что вернулся. Расскажите про Иерусалим. Он такой, каким я его представляю?

– Откуда мне знать, что вы себе нафантазировали, – сказала она, и я засмеялся, но осекся – может, это никакая не шутка?

– Наверное, там очень тепло.

– А, вы про погоду, – кивнула женщина. – Да. Бывает тепло. Иногда сыро.

– Вы не хотите, чтобы вас отрывали от чтения? – спросил я. У меня сложилось впечатление, что, в отличие от других попутчиков, ей нет дела до меня.

– Пожалуйста, извините, – уже мягче сказала женщина, покачав головой. – Я тоже устала, вот и все. Я не хотела показаться невежливой. Долгий перелет. Семь часов.

Я кивнул на детей:

– Для них чересчур долго.

– Они-то совсем не против. Всего второй раз летели на самолете и были в восторге.

– А в первый раз куда летели?

Женщина широко улыбнулась, открыв ослепительно-белые зубы, – такая улыбка превратила бы свирепого пса в ласкового кутенка.

– В Иерусалим, куда же еще?

– Обычно я соображаю лучше. – Я смутился из-за собственной тупости.

Я побарабанил пальцами по столу, женщина смотрела на пейзаж, проплывавший за окном. Я стушевался и подумал, что лучше, наверное, продолжить чтение.

Кто-то похлопал меня по плечу. Старик с банановой кожурой и газетой.

– Я иду в вагон-ресторан, отче, – сказал он. – Принести вам сэндвич?

– Нет, благодарю. Я не голоден.

– Сэндвич вам не помешает, – не унимался старик. – С чем вы любите, с ветчиной или индейкой? Или, может, хотите тост с капелькой малинового джема?

– Перед дорогой я пообедал, правда. Вы очень любезны.

Старик кивнул и, подмигнув мне, ушел. Дама с пучком слышала этот обмен репликами; казалось, она слегка расстроена тем, что я общаюсь не с ней, а с матерью близнецов.

– У Энтони в сумке есть чипсы «Тейто», – сказала дама. – Дайте знать, если проголодаетесь.

– Нет! – в ужасе взвыл мальчик, и дама наградила его чувствительным шлепком.

– Замолчи! – приказала она.

– Что вы, не надо, – сказал я, расстроенный этой сценой. – Я не люблю чипсы, – успокоил я Энтони, который, испепеляя меня взглядом, прикидывал, стоит заплакать или нет.

– Если передумаете, отче, только скажите, – не отставала дама.

– Не передумаю. Но все равно спасибо. Вы очень добры. И ты, Энтони.

– Такое часто бывает? – немного погодя прошептала моя визави. – Вас все время пытаются накормить?

– К несчастью, да, – ответил я. – При желании я мог бы вообще не ходить за продуктами.

Позже я всякий раз вспоминал этот эпизод, слыша байку о Джеке Чарлтоне, который за все покупки расплачивался чеком. Кто же предъявит к оплате автограф знаменитого футболиста? Нет, его обрамят и повесят на стену. Джек вообще обходился без денег. Но вот соседка моя покачала головой, словно хотела сказать: с какой стати людям так себя вести? Этакая незаинтересованность была мне внове, она меня даже заинтриговала. Что-то не видно почтения, о котором писал Том Кардл, тут скорее недоверие.

А в 1980-м кто имел хоть малейший повод не доверять священнику?

– Вы считаете его родиной? – спросил я, вдруг охваченный желанием одолеть разделявшую нас преграду.

– Простите?

– Я об Израиле, – пояснил я. – Это ваша родина?

На секунду женщина задумалась.

– Мать считает его родиной, – сказала она. – И отчим. А я, пожалуй, нет. Я была там всего два раза. Нелепо называть его родиной.

– Не любите туда ездить?

– Авиабилеты очень дорогие. Мне не по карману.

– Понятно.

– На эту поездку я долго копила. Чтобы Эзра и Бина повидались с бабушкой.

– Бина. – Я улыбнулся, глядя на девочку, которая, по примеру брата, уснула. Вообще-то мальчик привалился к моему плечу, и я поерзал, отстраняясь. – Красивое имя.

– Оно означает «разум», – сказала женщина. – И еще «мудрость».

– А вас как зовут? – спросил я.

– Лия. Что, похоже, означает «усталость».

– Одран. – Я ткнул себя пальцем в грудь. – Честно скажу, я понятия не имею, что это означает. Мне всегда хотелось побывать в Израиле. – Я слегка лукавил, поскольку об этом особо не думал. – И в Сиднее. Мечтаю увидеть Австралию. Н у, может, когда-нибудь удастся.

Лия рассмеялась, и дама с пучком ожгла ее взглядом: надо же, флиртует со священником.

– Это очень разные страны, – сказала Лия.

– Согласен, – кивнул я. – Но образ Австралии чем-то меня привлекает.

– Иногда образ лучше реальности. – Лия помахала рукой, словно разгоняя мираж. – Вот об этом мы спорили с мамой. Мечта выше реальности.

– Маму не переспоришь, – сказал я. – Уж я-то знаю, поверьте.

– Не переспоришь.

– Значит, образ еврейской родины вас не прельщает? – заинтересованный, я подался вперед.

– Моя родина здесь. Ирландия. Да, родилась я в другом месте, но после войны мы с мамой приехали сюда.

– А отец? – Я сам не понимал, почему спрашиваю о том, что меня не касалось. – Ваши родители познакомились здесь? Да нет, что я, ведь вы уже родились.

– Мама выжила, – просто сказала Лия, глядя мне в глаза. – Отец – нет.

– Я таки взял вам, отче, булочку с ветчиной и сыром. – Старик, вернувшийся из вагона-ресторана, положил прозрачный сверток на столик. Я недоуменно вытаращился, все еще переваривая слова Лии. – И бутылочку «Севен-ап». Вы любите «Севен-ап»? Меня от него пучит, но я пью, не могу удержаться. И вот еще чипсы «Кинг». «Тейто» не было. «Тейто», конечно, лучше, но у них только «Кинг».

– Я же сказала, у нас есть «Тейто», – влезла дама с пучком.

– Ну пусть съест и то и другое.

– Энтони, угости отче чипсами.

– Нет! – заорал мальчик.

– Сейчас я с тобой поговорю.

– Моё! – не сдавался Энтони.

– Кушайте, отче, – сказал старик. – Может, еще принести шоколадку?

Сам того не ожидая, я грохнул кулаком по пластиковому столику. Вышло не хуже, чем у мамы, шестнадцать лет назад злобно колотившей кастрюлей о стол.

– Я же сказал, не надо еды! – рявкнул я. – Я поел перед дорогой. Вы меня не слышите, что ли?

Опешивший старик попятился; он так растерялся, словно я дал ему тумака. Дама с пучком буравила его взглядом, как будто во всем виноват он один. Лия молча наблюдала за сценой. Испуганные дети ее проснулись. Я закрыл глаза и выдохнул.

– Извините, – сказал я, глянув на старика. – Прошу прощения. Мне очень жаль, правда.

– Все в порядке, отче. – Старик смотрел в пол, избегая взглядов других пассажиров. – Не переживайте.

– Сколько я вам должен?

– Что вы, ничего.

Я не настаивал.

– Простите, – повторил я.

Старик улыбнулся и, тряхнув головой, сел на свое место.

– Бедняга просто хотел оказать вам услугу, – сказала дама с пучком, явно решив поквитаться со мной за отказ от ее чипсов.

Хоть бы они не трогали меня, подумал я. Все эти люди. Хоть бы дали мне кроху покоя.

– Вы не любите привлекать внимание, – сказала Лия.

Я помотал головой:

– Не люблю. Вот в Риме легко оставаться неприметным. Там каждый второй встречный – священник. А здесь... бывает чересчур...

– Вас уважают, только и всего.

– Но за что? Они меня не знают.

Лия провела пальцем по горлу, и я кивнул, удивляясь, что белый пластиковый ошейник может вызывать такое почтение. Близнецы вновь уснули – Эзра привалился к окну, Бина прижалась щекой к материнскому плечу.

– Я хотел спросить... – начал я, но Лия покачала головой:

– Лучше не надо.

– Хорошо.

– Прошло тридцать пять лет. – Лия пожала плечами. – Я стараюсь об этом не думать.

– Получается?

– Нет, конечно.

– А у матери с отчимом?

– Что вы лезете с такими вопросами? – Лия подалась вперед, ошарашив меня резкой переменной тона. – Кто дал вам право?

– Простите. – От стыда свело живот. – Я не хотел...

– Я знаю, чего вы хотели – сказать, что во всем есть смысл. Дескать, все это входит в Божий замысел.

Я покачал головой:

– Никто не ведает Божьего замысла.

– Вы же знаете, что его нет.

– Кого? – не понял я.

– Бога.

– Ах, так.

– Поймите правильно. – Лия усмехнулась, заметив, что слова ее меня покорили. – Все эти законы, которые вы сочинили, эта ваша идея добра, великодушия и милосердия, все это хорошо. Если вам нравится ходить в черном, носить воротничок и наряжаться по воскресеньям, кому это мешает? Но Бога нет. Откуда ему взяться? Вы сами себя дурачите.

Она говорила абсолютно спокойно, словно учила ребенка простейшим арифметическим действиям или азбуке. И я не нашелся с ответом. Она извела жизнь, какой я никогда не узнаю. Поезд замедлял ход, Лия разбудила детей и принялась собирать вещи.

– Извините, если я вас огорчил.

– Ничуть. Вы не можете меня огорчить, – ответила она и, двинувшись к выходу, добавила: – Ешьте свой сэндвич. Старик выказал вам уважение. Но все может измениться. И тогда уже не будет еды для вашей братии. Оголодаете.

В Голуэй я приехал к вечеру. Том сказал, что пасторский дом отыскать непросто, поэтому мы условились встретиться в пабе О'Коннела на Эйр-сквер. Когда я вошел в бар, все головы повернулись ко мне; оглядывая насмешливые лица, я искал и не находил своего двойника – человека под тридцать в черном одеянии.

– Одран! – услышал я и в дальнем конце бара разглядел Тома, сидевшего за пинтой пива и номером сегодняшней газеты. Я обрадовался, стараясь не выказать удивления, что друг мой, как и все вокруг, в джинсах и ковбойке. – Ты чего так вырядился? – ухмыльнулся он. – Ну хотьними воротничок.

– Не стоит. – Я пожал ему руку. – Как поживаешь?

– Потихоньку. Что выпьешь?

– Фанту.

– Да ладно тебе.

– Пить хочется.

– Я знаю, чем утолить твою жажду. Садись.

Том отошел к стойке, заученным жестом вскинул два пальца и тотчас получил «пиво с прицепом» – две пинты «гиннесса» и пару стаканчиков виски. Я раздраженно выдохнул. Почему все за меня решают, что мне есть и что пить?

– Ну и как это было? – усаживаясь, спросил Том, а я подумал, что со стороны мы, вероятно, производим странное впечатление; я-то полагал, здесь мы лишь встретимся и тотчас уйдем.

– Ты считаешь, все нормально? – обеспокоенно спросил я. – У нас не будет неприятностей?

– С кем?

– С епископом.

То м рассмеялся, отхлебнул пиво и рукой отер густые пенные усы.

– Окажись он здесь, предложил бы повторить за его счет.

– Никаких повторов, Том. Мне и этого вполне хватит.

– Ночь еще молода. Мы тоже.

– У меня была трудная неделя. Я притомился.

– Ну да, сестрина свадьба. Как все прошло?

– Очень весело.

– Каков новобрачный?

– Молодец. Вправду приятный парень.

– Поди, хорошо обрести нового братца.

Я замер, не донеся кружку до рта. Неумышленная грубость реплики меня резанула.

– Извини, – сказал Том. – Я неудачно выразился?

– Нет-нет, ничего.

Том усмехнулся и, пожав плечами, посмотрел на двух парней, в углу состязавшихся в дартс. Видимо, один угодил в яблочко, потому что подпрыгнул, сграбастал напарника и закружил его в радостном танце. Я заметил, что Том слегка помрачнел.

– Ну и как это было? – повторил он, отвернувшись от игроков.

– Поездка?

– Ватикан.

– Сплошь политика.

– Не удивляюсь. И здесь-то епархии – точно осиные гнезда. Воображаю, что творится в Риме. А каков новый парень?

– Кто?

– Сам. Начальник.

– Решителен, – сказал я. – Честолюбив. Хочет все изменить, ничего не меняя.

– Это был бы фокус. С ним можно похохмить?

– Нет.

– Почему?

– Он ни с кем не сближается. Ужасно умный. И грозный. А временами робкий. Одно лицо для мирян, другое для курии. Но иначе, наверное, нельзя. На дворе 1980-й. Другая жизнь.

– Ты бы не хотел остаться при нем?

– Я же говорил, нас берут только на год.

– Зато какой год, Одран! Лучшего нельзя и желать.

– Это как посмотреть, – сказал я. Видимо, в глубине души мне было приятно, что меня считают участником драмы. И даже отчасти ее причиной. Я будто намекнул, что есть моменты, которыми нельзя поделиться.

– Знаешь, чем я занимался в тот вечер, когда умер Папа? – Том опустошил пинту залпом, словно заправский выпивоха.

– Чей папа? – переспросил я, как тогда на уроке.

– Наш общий.

– Ну и чем же ты занимался?

– В Литриме спорил с парочкой моих прихожан. Они пришли ко мне за наставлением в супружестве...

– Вот этого я боюсь как огня, – сказал я. – Что мы с тобой знаем о браке?

– Оба мои ровесники, – продолжил Том, игнорируя мой вопрос. – Он – крестьянский сын, возжелавший малевать...

– Стать маляром?

– Да нет, художником. Живописцем. Как Ван Го г или Пикассо.

– Понятно.

– Я спросил, видел ли кто его работы, и он сказал, что несколько лет назад выставлял свои картины в приходском зале, а потом возил их в Дублин показать одному галеристу, но получил от ворот поворот: дескать, он еще не готов, надо развивать свой стиль. Тут влезла девица: дублинцы только о себе и думают, на остальных им плевать. Видел бы ты ее, Одран. Накрасилась, словно шла не к викарию, а на дискотеку. Юбка коротенькая – одно название. – Том присвистнул и покачал головой. – А ноги прям из подмышек растут.

– Как это? – опешил я.

– Ну, такое выражение, – рассмеялся Том. – Не слыхал, что ли? В общем, о девице этой ходила молва, что слаба на передок, но, видно, жениху было пофиг. Ну вот, сидят они, ухмыляются, и я вижу, что все это им нелегко, а потом заводят старую песню – почему нельзя просто жениться без всей этой муры, и я отвечаю, что многие пары находят очень полезным поговорить о разных аспектах супружеской жизни, прежде чем идти под венец. Траты на хозяйство, чистота в доме, отношения... ну, ты понимаешь...

– В постели, – договорил я. По-моему, надо называть вещи своими именами, ведь мы, в конце концов, не дети.

– Да, это самое. – Том вроде как смутился и поерзал на стуле.

– В подобных вопросах я совсем не разбираюсь, – сказал я. – Очень надеюсь, что мне не придется давать таких наставлений.

– Как это – не разбираешься? – удивился Том. – Или нас не натаскивали?

– Наши познания чисто теоретические. Мы не ведем свою бухгалтерию, за нас это делает Церковь. Не убираем свои жилища, для этого есть экономки. А что мы знаем о сексе?

– Не все такие невинные агнцы, как ты, – раздраженно бросил Том, и я удивленно нахмурился – с чего это он так заговорил? Мы знакомы с семнадцати лет, и он, помню, признался, что еще даже не целовался с девушкой. – Суть в том, что за наставлением парочка явилась, поскольку не было других вариантов. Отец Трелони, приходский пастор, ясно сказал, что в своей церкви их не обвенчает, покуда не прослушают курс о супружеской жизни, ну и куда им было деваться? В общем, я хотел как можно скорее покончить с этой бодягой. Желая разрядить обстановку, я сказал, что от одной обязанности невеста избавлена – после свадьбы не надо хлопотать о перемене фамилии.

– Почему это? – спросил я. На столе появились две новые пинты, а я даже не заметил, когда То м их заказал.

– В том-то и штука. – В два глотка Том опорожнил стаканчик виски и, буркнув «Твое здоровье», приложился к новой пинте. – Парня звали Филип О’Нил, ясно? А девицу, по чистому совпадению, Роза О’Нил. Однофамильцы, понимаешь? Слава богу, никакие не родственники, хотя в Литриме, если подопрет, женишься и на кобыле. Но тут О’Нил женился на О’Нил. Такое, значит, бывает. Фамилия-то распространенная.

– Понятно. – Я хохотнул, словно над смешным анекдотом. Видно, подействовало спиртное. На голодный-то желудок. В поезде я не мог даже смотреть на тот сэндвич с ветчиной и сыром.

– Ну вот, я, стало быть, пошутил, а девица, вся из себя такая, вдруг заявляет, что и не собиралась после замужества менять фамилию. Чего? – говорю. Вы обязаны взять имя мужа, это закон. А она ржет! Смеется мне в лицо, Одран. Нет такого закона, говорит, и если надо, она принесет Ирландскую конституцию, чтоб я показал статью, где это прописано.

– Она права, – сказал я. – Закона нет. Но так заведено.

– Так и я о том же! – вскипел Том. – Жена берет имя мужа. И не надо, говорю, кивать на Дублин, я знать не хочу о всякой ерунде. А она опять ржет – дескать, ей это без разницы, после свадьбы она оставит свою фамилию, и дело с концом. Но вы же О’Нил, говорю. Да, отвечает, и что из того? Да то, говорю, что у вас все равно будет фамилия мужа.

– Ну вот и прекрасно, – сказал я.

– Она аж взбеленилась, сука подзаборная.

Я изумленно вылупился. Мне не послышалось? Том как будто не заметил, что только что сказал, и продолжил:

– Тут вклинивается парень – мол, Роза абсолютно права, им недосуг соблюдать древние правила, они уже все обсудили и решили: после свадьбы он останется Филипом О’Нилом, а она – Розой О’Нил. Так и сказал: жена не будет менять фамилию. Ты понимаешь, Одрен, в чем тут разница?

– Не в фамилиях, конечно. Он имел в виду...

– А то я не знаю, что он имел в виду! – рявкнул Том. – Я буду сам по себе О’Нил, а Роза сама по себе О’Нил, заявил он. И если у нас родятся дети, они получают обе фамилии.

– О’Нил-О’Нил, что ли? – спросил я.

– Так он сказал.

– А если они назовут сына Нилом?

– Что?

Меня это рассмешило до слез. Ничего нелепее я в жизни не слышал.

– Чего ты веселишься, Одрен? – спросил Том, но от его серьезной физиономии меня еще больше разбирало. – По-твоему, это смешно? Когда девка издевается надо мной, священником?

– Они же молодые, Том. – Выпивка определенно подействовала, одарив меня чудесным настроением. – Из вредности перечат старшим. Юнцы к этому склонны.

– Я сам молодой, Одран.

– Да какой ты молодой!

– Мне двадцать пять!

– Мы – другое дело. У нас иная жизнь. Такие всегда будут моложе нас.

От ярости Том просто задыхался.

– Я не понимаю, зачем они вообще решили венчаться, если уж такие современные, – наконец проговорил он. – Таинство превращается в фарс.

– Ты им это сказал?

– Сказал, но им в одно ухо влетело, в другое вылетело. Теперь они женаты. И предохраняются резинками, я знаю точно, мне аптекарь сказал.

– Ты расспрашивал...

– Эту парочку надо упечь в тюрьму. – Том побагровел. – Я натравлю на них полицию. И аптекаря надо посадить. Всех в кутузку! – гаркнул он.

– Успокойся, пожалуйста. – Я похлопал по столу. – На нас смотрят.

– Да ну их! – Том отвернулся, его буквально трясло от злости.

– Зачем ты мне это рассказал? – после долгого молчания спросил я.

– Чтоб ты знал, что, пока ты гулял по Риму и развлекался, я общался с таким вот народом, и это несправедливо, мне бы тоже хотелось очутиться в Риме. Я тебя

не виню, Одран, но в одном эта сука Роза О'Нил права: дублинцы все себе захапали, ни крохи не оставив другим.

– По крайней мере, теперь ты получил большой приход. – Я надеялся этим уgomонить Тома, ибо вовсе не хотел все выходные выслушивать его жалобы на жизнь. – Поди, рад, что распрощался с Литримом?

Том помрачнел.

– При мне не поминай Литрим. Сволочное место.

Так мы и сделали. Литрим не поминали. Вообще-то прошло больше двадцати пяти лет, прежде чем мы снова о нем заговорили, но к тому времени было уже слишком поздно.

Глава 5

1972

Мне было шестнадцать, когда в двух домах от нас обосновалась семья англичан, заставив половину Брэмор-роуд изнемогать в неодобрительном любопытстве. Конечно, новоселы всегда порождают сплетни. Пару лет назад улица яростно обсуждала шестидесятилетнего немца – где был и чем занимался во время войны. Он служил охранником в концлагере, утверждали одни; нет, говорили другие, он участвовал в заговоре против Гитлера и после провального покушения бежал в Швейцарию. Однако особая нелюбовь приберегалась для англичан. Стоит допустить сюда одну семью, как следом хлынет поток других, а мы и без того потратили немало сил, чтобы вытурить британцев из Ирландии.

Прошел слух, что в семействе новых заморских соседей двое детей. Вдовец мистер Гроув имел двенадцатилетнего сына Колина, который, бедолага, однажды отважился сообщить мне, что мечтает стать балетным танцовщиком. У разведенки Ребекки Саммерс, сожительницы мистера Гроува, была семнадцатилетняя дочь Кэтрин, которая вечно ходила в короткой юбке и кедах и соблазнительно сосала леденец на палочке. По чести, не такая уж красавица,

она обладала этакой опасной аурой, сулившей беду, стоит ей в нужное время оказаться в нужных руках, и меня это волновало даже больше, чем маму.

– Они живут в грехе! – объявила миссис Рэтли, которую чрезвычайно расстроило столь близкое соседство англичан, а потом чуть не хватил удар от новости, что пара даже не жената. – И где – в Чёрчтауне! Могли ли вы подумать, миссис Йейтс, что доживете до такого дня?

– Куда там! – печально покивала мама.

– Страна катится в тартарары. Вы загляните в «Ивнинг пресс». Сплошь душегубство и смертоубийство.

– И не говорите, – согласилась мама.

В гостиной я корпел над ирландской грамматикой, пытаюсь уразуметь сослагательное наклонение, и был вынужден слушать их беседу. Я бы охотно закрыл дверь, но мама не разрешала – мол, уединение навеет мысли, вовсе не нужные в моем возрасте.

– Я-то думала, с отъездом Шэрон Фарр это закончилось, – разорялась миссис Рэтли. – Выходит, все только начиналось.

– Не произносите это имя в моем доме, – твердо сказала мама, пристукнув чашкой. – У нас тут ушки на макушке, миссис Рэтли.

Я обиделся. Это про меня, что ли? Мне уже шестнадцать, я не ребенок. Правда, задняя дверь тоже открыта, а в саду играет Ханна. Наверное, мама имела в виду ее, решил я.

– Вы уж простите, миссис Йейтс, но я вам так скажу: все пошло кувырком, когда Фаррам разрешили остаться. Надо было гнать их поганой метлой.

Я театрально закатил глаза, как умеют лишь подростки. Шэрон Фарр прославилась своей историей с испанским студентом. В летние каникулы городские улицы были забиты крикливыми стаями смуглых красавцев, которые тараторили на родном наречии, хотя прибыли изучать английский язык.

Программу обучения организовала церковь, и потому многие семьи взяли студентов на постой; мне ужасно хотелось завести собственного испанского любимца, но мама отказала, единственный, наверное, раз воспротивившись воле священника.

– Тогда дом уже не будет моим, – сказала она. – И потом, кто знает, какие у них привычки.

А вот Фарры взяли на постой брата и сестру, и чуть позже среди школьников пронесся слух, обраставший новыми живописными подробностями: у Шэрон Фарр безумный роман с постояльцем, рослым красавцем, который на год ее моложе, их уже видели на берегу реки, где они изображали бутерброд. Шэрон Фарр – оторва, говорили мы. Всегда готова. Даст все, что попросишь, и даже больше.

А затем пополз слух, что Шэрон Фарр беременна.

Если б в шестичасовых новостях передали, что Ханна отправилась в Феникс-парк и совершила покушение на президента Хиллери, мама ужаснулась бы меньше.

– Эта девица всегда была несносной, – повторяла она. – Вечно хороводилась с парнями. Я сразу сказала, что затея с испанскими студентами добром не кончится. Ведь говорила я?

Драма набрала обороты после того, как Шэрон Фарр, у которой уже обрисовался живот, сбежала в Испанию, – никто не знал, с парнем или без него, но все решили, что с ним, – и с той поры о ней не было ни слуху ни духу. Миссис Фарр стала персоной нон грата и, отправляясь в местный супермаркет «Бешено низкие цены», не отрывала глаз от земли. Отец Хотон, удостоверившись, что несчастные родители пришли на службу, говорил о Шэрон Фарр в своей проповеди; я помню неистовую злобность его речи, поданной с темпераментом персонажа шекспировской пьесы. Я представил, как дома пастырь репетировал монолог перед своей экономкой, а та режиссировала. Скверная, в общем, история. Вспоминая те времена, я понимаю, что сострадание было чуждо людским душам, особенно когда дело касалось жизни и устремлений женщины. В этом отношении, да и в других тоже, за сорок лет в Ирландии мало что изменилось.

– Отец Хотон знает, что творится в восьмом доме? – спросила мама.

Миссис Рэтли покачала головой:

– Я этак ненароком ему сказала, когда после воскресной заутрени прибирала в ризнице. (Она была из тех, кто хлопочет за церковными кулисами и считает день удачным, если удалось поболтать со священником.) Он ответил, что в курсе дела и доложил архиепископу Райану, но изменить ничего нельзя.

– А если обратиться в полицию?

– Это не такое преступление, чтоб его признали в суде. А жаль.

– А наши дети? – вскинулась мама. – Какой пример у них перед глазами? Я должна думать о Ханне и Одрене.

– Отче сказал, что не станет ее причащать, если она заявится на службу.

– А его, этого мистера Гроува?

– Его причастит. Потому как женщина эта воспользовалась горем несчастного вдовца.

– А что она вообще такое? – спросила мама.

– Наверное, мы обе прекрасно знаем, что она такое, миссис Йейтс. Есть одно словцо, не правда ли?

– Да уж, миссис Рэтли.

– И нам оно очень хорошо известно, верно?

– Верно, миссис Рэтли. Отче еще что-нибудь сказал?

– Он шибко расстроен всем этим. Говорит, женщины обращаются в хищниц, когда на что-нибудь нацелятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23304034&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Самый большой и дорогой универмаг в Дублине, славится своими рождественскими витринами, где механические игрушки, от мышей до Санта-Клауса, разыгрывали целые представления. У витрин универмага в рождественскую неделю в прежние времена было не протолкнуться от детей. Сейчас универмаг не существует. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Мейв Бинчи (1940–2012) – ирландская писательница, автор очень популярных романов из обычной ирландской жизни.

3

Энн Дойл (р. 1952) – ирландская журналистка, уже 33 года она ведет новостную программу на национальном канале RTE. Бerti – Патрик Бартоломью Ахерн (р. 1951), премьер-министр Ирландии с 1998 по 2008 г., его дочь – известная писательница Сесилия Ахерн. Джон Братон (р. 1947) – премьер-министр Ирландии с 1994 по 1997 г. Альберт (Эл) Гор (р. 1948) – вице-президент США, нобелевский лауреат (2007) – за деятельность по сохранению окружающей среды, в 2000 году баллотировался на пост Президента США и проиграл выборы Джорджу Бушу-младшему с разницей в сотые доли процента.

4

Брау-Хед – самая южная точка Ирландии, а Банбас-Краун – самая ее северная.

5

Патрик Кавана (1904–1967) – ирландский поэт и романист, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с графством Монахэн.

6

Один из четырех самых известных театров Ирландии, славится своими музыкальными и оперными постановками.

«Плуг и звезды» – пьеса Шона О’Кейси (1880–1964), драматурга, классика ирландской литературы; начав с сатирических пацифистских комедий, затем он переключился на мистические морализаторские драмы, а в конце жизни создавал фантасмагорические комедии. Театр Аббатства – первый национальный театр Ирландии, до него театры в Ирландии были плотью от плоти английской театральной системы. Театр Аббатства, формально основанный в 1904 г., был частью ирландского Возрождения, начавшегося в конце XIX века.

Мак Дирмада (1907–1978, более известен как Фрэнк Дермоди) – ирландский режиссер, служивший в Театре Аббатства несколько десятков лет, с 1938 по 1973 г.

Иншин О’Дуван (Uinsionn O’Dubhlainn, 1929–2013) – ирландский актер и режиссер, известен под английской вариацией своего ирландского имени – Винсент Даулинг; театральную карьеру он начал в дублинском Театре Аббатства, затем перебрался в Англию, а позже в США, вся его жизнь связана с творчеством Шекспира.

Онъ О’Сулеванъ (Eoin O’Súilleabhain) – ирландский актер и писатель, более известный под своим англизированным именем Оуэн О’Салливан. Катлин Ни

Вярань (Caitlín Ní Bhearaín), она же Кэтлин Бэррингтон, – ирландская актриса, много играла в Театре Аббатства.

11

Ирландская мыльная опера, которая шла пять раз в неделю с 1964 по 1968 г., действие развивается в нескольких домах, выстроившихся рядком в северной части Дублина. По сути, это клон знаменитого английского телесериала «Улица Коронации», который начал показываться на несколько лет раньше.

12

Популярная в Ирландии яблочная газировка.

13

Настольная игра, в которой нужно переставлять фишки по бумажному полю на выпавшее число ячеек.

14

«Аквавит» – крепкая настойка на травах, национальный напиток в Норвегии и Швеции, «мьид» – также национальный норвежский (и шведский) напиток, по сути, медовуха с добавлением хмеля, имбиря, яблок, трав и даже цитрусовых, но основой является мед; норвежское слово Mjød происходит от русского «мед».

Дебютный роман «Свободу медведям» (1968) американского писателя Джона Ирвинга.

26 августа 1978 года был избран новый глава Римско-католической церкви – папа Иоанн Павел I. На церемонию интронизации папы прибыл и представитель Русской православной церкви – митрополит Никодим, который скончался от инфаркта прямо во время приема у нового Папы Римского. А через 33 дня, 28 сентября 1978 г., внезапно умер и сам Иоанн Павел I. Католический мир был взбаламучен произошедшим, возникло сразу несколько теорий заговора, основания для которых имелись: новый понтифик, по сути, объявил войну ватиканской финансовой мафии, которая долгие годы заправляла денежными потоками католической церкви.

Купить: <https://tellnovel.com/dzhon-boyn/istoriya-odinochestva-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)